

ՏԱՐԿՄԿԱ. Կ.
ՈՒՆԵԴԿԱ ԽՅՅՈՂՅՅ

Տարսահեա. Կ.
AN attempt of New 3

Трудно дышу,
сознавать — невозможно,
куда,
в миг следующий,
сознание забросит.
Лягу, тихонько,
на мелководье,
водяной вихрь
закружит:
мне же легче.
Оттого на плече
привалилась печаль,
камни чешут больные места,
водоросли щекочат:
стопы,
уста...
Гадаю, осторожно
на лягушачьих лапках;
такие линии тонкие —
разглядеть — невозможно.

Убегаю — «Пока!»
Навсегда ли — не знаю.
Обнажусь ли вновь
перед всеми Вами.
Охлаждает меня
бесконечный Ваш взгляд,
как будто, в суть Вы не смотрите,
лишь по поверхности скользите,
и постоянно говорите,
о слабоумье Вашем тихом.
Зачем мне перед Вами
все перья вырывать
из, без того, убогого наряда?
Теперь, я уезжаю навсегда.
Прощайте и простите, Господа.

Toilsome I breathe
 Awakening is intolerable
 Where will I instantly be
 When consciousness drags over
 On soundings I recline
 Aquatic whirlwind turns:
 Positive self-image line
 And now I do not feel so gross
 Against my shoulder
 Grief has leant
 And stones have teased my sores.
 While waterweeds tickle more and more:
 Mouth and feet.
 Carefully fortune I read
 Scrutinizing beautiful frogspawns
 These lines are so thin and so neat
 It's impossible to discern.

I am running away. "Goodbye!"
 Whether once for all — I don't know.
 Who knows, if I ever undress before you all
 Once again.
 I am cooled with Your endless glance,
 Seems You never look into the core
 As You simply glide at surface,
 Speaking of Your calm imbecility.
 Why do I have to wrest my feathers before your eyes,
 Doesn't my attire look poor enough?
 At present, I am leaving forever.
 Gentlemen, forgive and goodbye.

Бегу —
по берегу, песчаному,
и на ходу —
букеты собираю, славные,
колечками —
кольцую основания.
Я прокопалась в глине Год.
Напрасно...
Пытаясь, вылепить,
твой лоб усталый,
и глаз, твоих, лукавых —
побоялась силы.
И нос, твой,
удивлял меня,
короткой, зимней ночью,
во лжи, скульптурной,
постоянно удлиняясь без причин.
Теперь же я — с младым, нагим,
и лишь с безумием сравнимо,
то состояние нелепого обмена
фальшивых чувств:
сердцами — ранеными,
да крыльями — обрубленными.

Ну и чудак, ты,
вечно чудишь,
гладишь, лохматишь,
кудри мои,
ручки целуешь,
спину гнешь,
ну и занудливый ты, малыш.
Моя мещанская душонка —
не понимает жизни тонкой,
пренебрегает любовью она,
движет ею лишь пустота.

Along the sand coast I flee
Collecting glorious bunches of flowers in motion,
While gently girdling into rings the bottoms.

In clay I have dawdled for a year, it is useless.
Attempting to sculpture your tired forehead
But I was frightened of your wily eye's robustness.

On that stumpy winter night
Your nose astonished me at growth
By sculptured lie it used to sprout incessantly
Without any cause.

And here I am with young and naked,
Compared to madness
The state of awkward metathesis and phony feelings:
Wounded hearts and cut-off wings.

You are such a weirdo
You act flaky all the time
You stroke and make my hair shaggy.
You kiss my hands and crouch your back
What a prose you are, kid!
My bourgeois soul doesn't get this way of living.
It is actuated with futility and disregards love.

Я памяти своей задерну шторы,
и постараюсь не шуметь,
передвигаясь в прошлом.
Камин — дымит...

Я — лгу себе, ему, приписывая слезы,
и, лежа на перине толстой,
смотрю, затравленно, на дверь:
за ней — цепочка лет,
прожитых откровенно просто.

Я опущусь на пол, дрожа всем телом,
и поползу на животе к полоске света,
где Будущее — снова обретает
в той книге Памяти —
страницу Прошлого.

Неясная синь небесная,
облака с завитками белыми,
скользят лениво, гонимы ветром шустрым.

Он выдувает им сигналы.
Звуки — меняются,
в такт, очертания —
облаков — курчавых,
перетекая, так естественно:
из жеребенка — в мостовую гладкую.

Глядишь ты в небо,
глаз не отрывая,
от танца,
удивительной гармонии небесной.

I will pull down the curtains of my memory
 And I'll try to keep quiet, as I'm moving in the past.
 The chimney smokes...

I lie to myself, ascribing him my tears
 And I lay in thick feather-bed
 Gazing with hunted look at the door:
 Behind it is the chain of years,
 Which have been lived out frankly simple.

I'll drop down on the floor with my body shaking
 And I will crawl on my belly towards the streak of
     light
 Where in the book of memory
 The future gains a page of the Past.

Divine bleary blue
 Clouds with white curls lazily glide
 As they are blown by the nimble wind.
 He blows out signals and sounds for them
 And the shape of curly clouds changes right to the
     beat
 Of curly clouds' shape.
 Overflowing naturally from foal
 Into a smooth street way.

You glance at heavenward
 Not taking your eyes off
 The amazing divine harmony's dance .

Славная история —
забавно ускользает.
Сладкая симфония —
постепенно слух устрашает.
Неловко с призраками жить:
с одной тарелки лакомство делить.

Я не могу с цветком ромашки,
присесть спокойно и обдумать:
сорвать ли лепестки сегодня,
стряхнуть ли разом все,
или безвольно, аромат вдыхая,
надрывно гладить стебелек.

Платье твое, пышное —
шелестит обманами.

Обрывки фраз, неискренних —
Ты зализываешь свежие раны.

Обливаешь, сердце горящее,
потокотом слез неискренне-кровавых
на удивление сильней, чем прежде —
плетешь интриги,
заманивая новых жертв, неискушенных,
в туннели одиночества.

(О, Боже!), как внезапно
крючком любви тебя поддели.

И вот, лежишь тут: брюхом вверх,
в глазах — ни капли жалости:
ты — сталь,
а на губах, лишь горький след
чужой печали.

Decent story slips funnily away.
 Bit by bit sweet symphony frightens the hearing.
 It is uncomfortable with ghosts to live:
 Delicacies of the table from same one plate share

With a daisy flower in my hand
 I can not quietly sit down and think over
 Should I tear off those petals today?
 Should I shake all of them down?
 Maybe to breathe an odour in,
 As I caress the stem, having a fit of hysterics.

Gorgeous dress of yours
 Rustles lies.
 Pieces of insincere phrases,
 You lick fresh wounds.

Flaming heart you pour
 with insincere and bloody floods
 You spin intrigues
 amazingly stronger than earlier —
 Ensnaring new and innocent victims
 To the tunnels of loneliness.

O dear! O God!
 All of a sudden you are the one,
 Who got caught on the hook of love.

And there you lie with belly up
 Not even a bit of sorrow appears in your eyes
 You are the steel
 Just a bitter trace of stranger's grief
 Your lips should keep.

Убежище мое, ты где?
Не в той ли обертке,
на праздничном столе?
На том ли обрыве
в старой книге?
За давностью лет,
я пытаюсь вспомнить,
решить навсегда;
без бомбежки с воздуха,
где,
мой огонь?

Мне так холодно,
и пора бы ноги согреть.
Я пытаюсь ходить быстро,
устремив голову вниз,
а червь, что бродит по земле —
заставил посмотреть наверх.

И, вдруг, так скоро, без потерь,
я поняла, куда стремиться,
но путь не близкий,
далеко не близкий.

Обуреваемая страстями,
хлюпает Грета по грязи,
в осаде чувств,
затаенных где-то в устах,
и погребенных, увы, навсегда.
А по планете бродит легенда,
не понимая жизни бесценной.
Дарит, не зная привала в пути,
ранит и знает,
что ждать впереди.

Asylum of mine, where are you?
Aren't you there in the wraps at the festive table?
Or at that precipice in the old book?
Due to the remoteness of years,
I try to recall and decide in the end:
Where is my fire, when air bombing is off?

I am so icily cold and should warm up my feet.
I turn my head down,
as I try to walk to that rapid beat.
And worm that prowls about the earth,
Has forced me to look up.

And all of a sudden, so quickly, suffering no losses
I realized where to strive for
Although the road is not close, far from near.

Greta slops along the mud,
Seized with passion.
She is in siege of feelings,
Which are hidden somewhere among mouths.
Alack they are buried forever.

And legend wanders around the planet,
Unknowing the priceless life.
Grants, having no halt on a way
Hurts, knowing what to expect in advance.

Остроконечное строенье —
Эйфелево творение.
Пронесся вблизи меня ветерок,
нашептывая, двух безликих парочек восторг.
Какое-то смятение
движет мной.
Шансон, что над Сеной —
охлаждает мгновенно.
Портреты вокруг —
носятся вскачь.
Каштаны лопаются горячие.
Франки, доллары,
беру я в подаянье...

Твоих бы мне годков,
Ой — ли,
твоих бы мне дорог,
ой — ли,
растоптанных сапог,
ой — ли,
и чуточку заслуг,
ой — ли.
И поменять бы женский —
на пол мужской.
Забыть бы сразу беды,
и стать совсем другой.
Я б не стала бегать по кругу,
тормозить на ходу руками.
Я б не видела горя друга,
и сестры родной, Печали.
Но твоих годков мне не надо,
и твоих дорог мне не счесть.
меня у самой, так много
растоптанных заслуг,
и штопаных сапог.

Peaked construction —
 Eiffel's creation.
 Alongside passed a breeze,
 Whispering delight of two faceless couples.
 Some perturbation stirs me.
 Chanson over the Seine damps instantly
 Portraits gallop around
 Hot chestnuts crack.
 As alms I accept Francs, dollars...

If I'd be your age
 If only..
 If I had your pathways
 If only..
 And downtrodden boots
 If only..
 And a bit of merits,
 If only..
 To bargain female sex for male
 Forget at once the troubles and become other
 I wouldn't be running in circles scared
 Stopping myself in motion by hands.
 Brother Grief and Sister Sorrow
 Would have never been present,
 But I don't want to be your age
 And your pathways are countless for me
 I have gone through so many stages
 And so many downtrodden merits and worn down
     boots
 Myself, I have seen.

Перезвон колоколов:
удар в удар,
тон в тон,
ор в ор.

Трон, как трон,
коронованных особ:
прием, прием.
Только вдвоем.
Жезл — тяжел,
ответственности шлем —
слишком полн
для молодых голов.
Более смел —
Монарх — подлец.
Он — властелин
полсотни овец.
Волков — предводитель
Шакал — отец.
Кивок головы —
не поклон.

Своевольность колоколов —
пустой перезвон:
удар — не в удар,
тон — не в тон,
ор — не в ор,
трон, как не трон.

Бежит дорожка, в никуда,
а с ней сынишка, хоть куда.
Босой, нагой, вот ведь беда,
ничто не слышит — глухота.
Ревут колеса грузовика,
и нет печальнее конца.

Change-ringing:

Bang to bang

In tune with a tune

Roar to roar

Throne as a throne

The crowned heads admission.

Just the two of us.

Rod is heavy and responsibility's helmet is too full
for immature heads.

Monarch-scoundrel is more courageous,

He is the lord of fifty sheep.

The leader of wolves is Jackal-father

And nod of the head makes no bow.

Ringling with a high hand makes it vain:

Bang NOT to bang

In tune with no tune

Roar NOT to roar

And throne as NOT a throne.

The path runs into nowhere.

And there is a hummer son by her side.

Barefooted, naked, what a pity!

Hears nothing deafness.

Truck wheels roar

And there's no end, that's more sorrowful.

Яичную скорлупу толку,
так неистово.
Грязные воды, что терпкие —
прорвали слабость плотины.
Невзгоды, грусть непосильная.
Воображение красно-синее —
ослабляет иммунитет,
сейчас бессильный.
И да, и нет.
Из-за праздного ощущения времени
при толчении, толчении,
погружение в скорлупу, кипельно-белую,
обнаружение причины бремени,
трагедийность меняет
траекторию движения,
занимая нейтральную позицию,
по отношению к более смелым.

Акцент на смелость
легкий шик,
коли дрова,
дерзай,
на лету хватай,
чего не доставало,
акцент на смелость
всем внушай,
и ничего не пропускай.
Ведь в этом — все второстепенно,
а главное — мгновенно,
ложится правдой нам на смелость.
Акцент сдвигается — на легкий,
шик — неумелый,
как всегда — сдувается.

Boisterous eggshell I crush
 Greywater is so acerbic,
 Breaking through the dam's infirmity.
 Rigours and sadness beyond any strengths
 Ideation of red and blue colors
 Weakens immunity that's now so powerless
 Yea and nay

Alone with leisured inner sense
 When crushing and crushing in process
 Immersing in eggshell of ebullient white shade
 Revealing the cause of encumbrance
 Tragicalness swaps the motion path
 Sitting on a fence in relation to those
 Who are actually more audacious.

Emphasis on courage
 Makes it a gentle style.
 Split logs and venture.
 Grasp in the air
 Things that you have never had
 Infix in mind emphasis on courage to everyone
 And don't miss out anything yourself.
 Indeed, therein all of it is secondarily
 And above all — instantly.
 Truth covers our courage
 And there stress becomes so feathery
 Unskillful swank blows off as ever.

Никакой изюминки, в радости придуманной.
Словно чайка на заборе дуется.
В волну, за рыбой — ворон вонзается.

Стол письменный —
займет внезапно все углы.
Крадучись, гость незванный,
не побоится трупя вида.

Так, в кипе бумаг,
всевозможных писем,
мне улыбается
образ твой, пыльный,
а гном, горбатый,
кропотливо трудится.

И в радости придуманной —
находит счастье зрелое.
никем не найденное,
никем не спетое.

Скрипят суставы.
Лягушки вновь,
поют на озере туманном.
Заслушавшись, засну — не спишь,
то лишь начало всех, кто ищет,
той сказки, где всему конец.
А ты в ней будешь вечно.
Ты фантазер и сказочник вселенной.
Твори,
не ведай предпочтенья.
Тем всем —
не виден свет в конце туннеля.
Тебе ж — все просто:
нет хитросплетений.

There is no snap in excogitated joy.
 As a gull pouts on the fence.
 After fish the raven glides into a water-weave.
 Suddenly the bureau shall edge out every corner.
 As intruder prowls, he shouldn't be scared of corpse.
 Among the papers, various letters, your dusty figure
     smiles at me,
 While a humpbacked dwarf works.
 Within imagined joy,
 By means of the dwarf was mature happiness
     discovered,
 It has nowhere been found and sung.

The Joints creak.
 Frogs once again sing on the foggy lake
 Granting a hearing — you are awake
 And this is just the beginning
 of those who are seeking.
 In a fairy-tale, where everything ends.
 You'll stay there forever.
 You are the dreamer and
 you are the universe's storyteller.
 Create!
 Care less for precedence.
 They will see no light at the end of the tunnel.
 Everything is too simple for you: there are no huddles.

Коса расплелась не полностью:
как болотная змея —
скользит по спине до пояса.
Лаская, призывает
забыть о скромности надменной.
Замерзают роднички юные,
реки бурные в водовороте смуглом,
пытаются топить венки подружек.
И на воде рубахи — белые,
напоминают башенки
монастыря деревенского, древнего.
Босоногие девицы спелые,
с томными криками неспешными,
редкими,
заывают любовь —
грешную,
расплетают косы
полностью,
стыдливо прикрывают груди
острые.

Любовь Отчаянных —
надежда всех Отчаявшихся.
Два кулака в воздухе,
пощечин звонкость,
и глаз, заплаканных,
все, к чему однажды
прикасались Отчаянные —
тут же невольно,
приближало Отчаявшихся.
Цикл этот, неизменный,
иногда смущал их.
Однако, вновь сжимаются нечаянно,
те пальцы —
в кулаки отчаянные.

Braid got almost unbraided.
 As shovel-nosed snake, skims down the back
 Caressing, urges to leave the arrogant modesty
     behind.
 Youthful wellsprings freeze.
 Rapid rivers try to sink playmate's anadems
 In a dusky whirlpool.
 And afloat white shirts remind of
 Abbey's ancient village cupolas.
 Ripe barefooted ladies
 Tout for sinful love with rare, tardy and languid
     shouts.
 Shamefacedly covering pointed breasts, braids
     untwine.

The love of the desperate —
 The hope of every forlorn.
 Two fists in the air,
 Sonority of snaps,
 And tearful eyes —
 Anything once touched by forlorn,
 Unmeant in no time
 Approached the hopeless.

That steady cycle
 Sometimes confused them.
 However once again those fingers form
 The desperate fists.

Светлая комната,
светлый стол,
светлый чай,
серебряный прибор.
Я слежу,
как за светлым окном
обгоняют воробьи друг друга,
купаются в первых лужах.
Листья шелестят.
Дворники резвые —
грязь человеческую
дружно скребут.
Светлое солнце — сегодня жестокое —
немного сил придает.
Я съела не тот кусочек пирога,
что светлым утром
мне судьба давала.

Удавка — не давка,
В толпе, изнывающей,
не терпящей локтя,
зловонна давка,
в скуке ломающая,
все проходящее.

Удавка — скользка,
одинока,
с претензией.
Не все примеряют
колье драгоценное.
Пронырливо прыгнет на шею она,
застынет навеки
виноградная лоза.

Room is full of light
 The desk is luminous
 And the tea is light
 Flatware is made of silver
 Behind the clear window
 I follow the sparrows
 As they race each other
 And bathe in early puddles.
 Leaves rustle.
 Frisky yard-keepers all together
 Sweep the earthborn dirt
 The Sun is bright but cruel today
 Somewhat invigorating.
 I have eaten the wrong piece of pie
 As opposed to that, which fortune has given me
 On bright, early morning,

Slipknot makes no hustle.
 in distressed crowd,
 that endures no elbows,
 Hustle stinks, breaking in boredom
 Anything, that goes by.
 Upstart slipknot is slippery and lonesome.
 Not everyone dares to try on the precious necklace.
 Crafty will it jump on to the neck
 Becoming stockstill for ages as vine.

Грохочут трамваи:
несутся сквозь ели.
То — все мои желанные
мечты-потехи.
Уходят рельсы далеко,
туда, где в скалах эхо раздаётся,
ко мне вернется всем — чем хочется,
как в той шкатулке из слоновой кости —
есть свой мотив.
А этот грохот, вагонов красно-желтых —
он так нужен:
перекрывает шепот дружный,
который, медленно окутав,
неземной вибрацией —
искать мешает,
пытаясь сбить
со скал ревнивых —
на рельсы узкие,
где скоро будет проезжать
мой бешеный трамвай,
с тяжеловесными мечтами и потехами.

Разошлась молния на замке:
уже не скроешь опасных побед.
Ты точишь когти о кору дерева,
а сухость во рту — заменяет обед.
Опускаешь голову низко,
уплывая в нелегкую дрёму,
где, конечно, не жарко, не холодно.
Лишь большое пространство давно
приходило, звало отчаянно.
Только поздно решать самой,
подозрительно глядя под ноги,
где ошибка — казалась подвигом,
а удар — совсем невесом.

Trams rumble
 As they sweep through fir trees.
 These are my lost wishes — larks.
 Railing lead far off to the place,
 Where echo sounds.
 It should revert as anything I want
 Same as ivory casket's motive.
 This rumble of red and yellow cars
 Is so necessary.
 It Overlaps harmonious whispering
 Which slowly with ethereal vibration wraps.
 Prevents the hunt, attempting to knock down
 off the jealous cliffs to narrow railing,
 Where my crazy tramcar soon would be
 With loads of heavy larks and wishes.

Zipper lock has opened:
 So far dangerous conquests could not be hidden.
 You sharpen claws against the bark
 And dryness of the mouth surrogates dinner.
 You stoop your head
 As you sail into tough slumber,
 Where it is sure neither hot nor cold.
 Huge space came long time ago,
 And desperately called.
 It's too late to decide on my own,
 Suspiciously looking down at feet,
 Where mistake used to seem as feat
 And stroke used to seem quite weightless.

Она настолько откровенна
и грудью прелой,
и ягодицей белой...
Вновь нацарапала на сердце —
инициалы имени,
проверенных — не временем.
Переломив соломинку надвое,
в бокал небрежно запускает,
и ядовитую слюну пускает,
не замечая плавности твоих движений.
Ее амур в тень деревьев манят,
там, где сумерки —
дарят очертаниями
одной лишь ей понятных созданий

Ты тычешь пальцем
в грудь курчавую,
о смелости своей гласишь —
не размышляя.

Большим гвоздем
ладонь пронзаешь:
Ты крови ждешь —
гниль вытекает голубая.

В глаза достоинству —
ты избегаешь зреть,
и не понять тебе
забавных строчек лести.

Ты силу применил — ненужную:
из женщины, такой блаженной,
ты сделал — чучело посмертное.

She is so frank
With her rotten breasts,
With her white breech
Once again she scribbled name initials on her heart
Those, that have never been time-proven.
Breaking a straw in two, dips it in a wineglass
Not noticing the evenness of your movements
She slavers poisonous.
Cupids lure her in tree shades
Where the twilights give outline
to all those creatures, that only she can understand

You poke your finger at your fuzzy chest
Not pondering over, you talk about your courage.

You thrust a huge nail through the palm:
And wait for blood, but rot of blue color flows out.

You avoid looking into dignity's eyes
And amusing lines of flattery are incomprehensible to
you.

Needless force you have used:
Out of a blessed woman, a posthumous dummy you have
created.

Демонстрация чувств —
не так уж нова,
но как же приятна частота.
Увы, нам приятно,
почти всегда,
пощипывание нежное
у живота.
И хватит карать день за то,
что время бежит —
не поймешь, что к чему.
Раздувай, костер,
чувств своих,
демонстрируй —
как хочешь,
где можешь,
всегда,
где есть — «Да».

Исполняю волю твою, Господин.
Дрожу всем телом.
За тем бугром,
я вижу тени,
звон подков,
штрихую набросок
тупым углем.
Зачем
отходит на задний план
мое стремление
плыть к небесам.
Роняет небо звезды в ночь.
За злобой речи
хрустят скелеты.

Feelings exposure is not nearly new
And how pleasant is frequency.
Alack! More often than not
Enjoying tender tingles about the belly.
Enough of punishing the day for the time
That flies by — you'll never understand
What is what?
Fan the fire of your feelings
Demonstrate them as you wish
Demonstrate them where you can
Anywhere, when "Yes" is present.

I execute your will, dear Master.
I shiver from head to foot.
I see shadows and hear clank of horseshoes
Behind that hillock I hatch a sketch with blunt
                  charcoal.
Why does my aspiration in the middle distance go?
And even into heaven floats.
At night sky drops the stars.
Behind malicious speech
Skeletons crunch.

Сбрось кожу ты, увядшую
и лепестки несладкие —
горчат во рту.
Невдалеке колодец.
Ты знаешь песню грустную.
Она всегда в тебе.
Черпни глоток студеной,
поскрежещи зубами,
уткнись лицом в подушку,
забудь ты песню грустную.
Пришла пора меняться
в ногах — куски увядшей.
Взгляни,
ты вновь прекрасна.

Отплывает пароход в полночь.
Выходят двое ему на нос,
опираясь на поручни.
Туман скрывает
лиц неискренность.
Пришлось им жить,
держась друг друга.
Но наступает время истины:
дает им шанс судьба:
найти себя.
Пройдя тайгу, пески,
и тропиков дожди.
Ну, что, друзья,
дадим им время до зимы?
Так дай нам Бог,
увидеть их живых.

Slough the faded skin and sugarless petals
Are bitter in the mouth.
Not far off is the well.
You know the drear song.
It's all the time within you.
Draw some gelid water
Grit with your teeth
Bury your face in the pillow
Forget that drear song.
It's time to change
There are pieces of faded at your feet.
Cast a glance at me
again you are beautiful.

The Steamboat leaves at midnight.
Two figures come on to the prow
And hold on to the rails.
Fog conceals insincerity on their faces.
They had to live as to stick one to another.
And there the time of verity comes:
Fate gives them a chance to find themselves
Get through taiga, sands and tropical rain.
So, friends, shall we give them time till winter then?
God bless! To see them both alive again.

Я приношу свои извинения
 домам угластым,
 которых я не заметила.
 Пленка тонкая
 скрывала их красу недобрую.
 До этого,
 все было без обид.
 Рамы роскошные,
 немного перекошенные,
 подъезды кричащие,
 в грязи утопающие,
 на фоне глазури —
 стайка летит,
 в розовом свете,
 формы становятся четче.
 Мысленно бросаю
 горсть красок своих.
 Помощи нет,
 созданьям угластым моим.

Скитания, скитания, скитания.
 Искания того, кто был признателен,
 кто посвятил себя тебе,
 без лишних слов раскаяния.
 Ласкания, ласкания, ласкания.
 И трепет давит,
 при попытке узнавания,
 как камень точит набежавшая волна.
 Морская раковина грустью всколыхнула
 все ноты сердца твоего.
 Придания, придания, придания.
 Той старины, где прочитав,
 ты веришь в мироздание.
 Все с тобой:
 и ласки и признания.

I make an apology to the cornered houses,
 Which I have not noticed.
 Slim pellicle hid their unkind beauty.
 Before that, there were no insults.
 A bit skewed but luxurious frames
 Blatant entrances drown in dirt
 Against a background of glaze
 Flock flies and in the light of pink
 The shapes become more precise
 I mentally throw handful of my paints.
 There is no help for my cornered creatures.

Wanderings, wanderings, wanderings.
 Searching for those, who have been grateful
 Those who vowed themselves to you
 Speaking no unnessary words of remorse.
 Caressing, caressing, caressing.
 Shivers oppress at the moment of recognition.
 As constant dropping wears out stone.
 Sea-shell has touched every tune of your heart with
     sadness
 Sagas, sagas, sagas.
 Belong to antiquity, where once you have read
 You believe in universe.
 Everything's with you
 Caressing and sagas.

Любовь неслышно подкралась.
Огрела я ее —
ушла, качаясь.
Переворачиваясь в гамаке,
увидела я блики на окне.
Пришлось взглянуть в глаза реальности.
Я прячу в дальний свой карман платок,
а в нем — отчаяние.
Я одинока, но горда,
не правда ли?
Любовь неслышно подкралась:
теперь — не надо шалости.

Предчувствие любви искушать не надо,
бери, беги, не уступая,
вспоминай глаза, благословляй уста,
оскверни, запомни ее навсегда.
Шея склонилась,
тело раздулось,
ты бежишь искать другую.

Ровное дыхание —
без воспоминания,
брета предсказания —
порока наказание,
снов непонимание —
таланта отпевание,
ровное дыхание —
размах на созерцание,
интеллектуала восклицание —
Всепрощение — не просто Мания.

The love had quietly sneaked in.
 I zonked and it walked away shaking.
 As I tumbled in a hammock,
 I noticed splotches on the window.
 And there I had to get a sight of reality.
 I hide a napkin into distant pocket.
 The only thing it holds — despair.
 I am so lonely and so proud.
 Isn't it so?
 Love had quietly sneaked in.
 There is no room for roguery.

Foreknowledge of love should not be baited
 Guard, run, hold the fort.
 Remember eyes, bless mouths
 Besspit, remember it forever.
 Neck bended
 The body inflated
 You are running in search of another.

Smooth breathing
 Without remembrance
 And the delirium of prediction
 The Flaw of punishment
 Dreams' misunderstanding
 Ability's burial service
 Smooth breathing
 Amplitude of contemplation
 Intellectual's exclamation
 Indiscriminate forgiveness
 It is not just a simple mania.

Твое влечение ко мне —
неестественно.
Я двигаюсь в танце бесконечном.
Дышу беззлобно чередой сезонов.
Я — наслаждаюсь лишь своей свободой.
Самозабвенно полюбить себя пытаюсь.
Ты бьешь орехи на террасе,
и каждый шаг — иллюзией считаешь.
А я — скольжу по льдине бледной,
которая, как ты не ждешь,
не колетя мгновенно.
Благословив тебя... Я — не пойду ко дну.

Ноги — бредут,
на лице — испуг,
в душе — маета,
на стене — она:
несносная, белокостная,
Безумность — остроносая.
Безысходность в одночасье,
умывает руки, узластые.
Ты киваешь лбом ненастным,
исчезаешь в толпе безрадостной,
извини, но как быть мне радостной,
пока град отбивает все малости,
измываясь над всеми подряд.

Your appetite to me is unnatural.
I move in an endless dance.
And breathe with a list of seasons.
I am delighted with my own freedom.
Selfless I attempt to fall in love with myself.
You crack nuts on a porch
Considering every step as delusion.
And I glide on pale ice floe
That doesn't instantly prick as you may expect.
and having blessed you
I won't sink to the sole.

My feet plod along
A fright appeared on my face
Soul is drudging.
And there she is on the wall:
Intolerable, white-boned
The sharp-nosed rage.
In a flash of hopelessness
Washes tie-knotted hands of it.
You nod and disappear in joyless crowd
Excuse me! How am I supposed to be roseate?
While hail scoffs at everyone, striking off every trifle.

Отродясь не видала такого шелка.
Вот эта нить белесая,
вот эта гладь замерзшая.
Плетется рисунок замысловатый
мне — показался, слишком прост он.
Очаровательно скользит в своем накале,
блуждает, возбуждает, слишком тонок.
Разрежь ты ткань и будешь жалок.
Интриги нет уже,
костюм — неловок.

Ослабевают гроза,
не видать конца:
атакует мечта
желторотого юнца.
А ему нипочем,
если там, у ларца
вихрем кружат ветра,
осыпая сполна.

Освистывают силы небесные
несносную, несносную.
Забыли крикнуть: «Браво!»,
мне,
не просто им, не просто.
Предугадаю все я наперед:
Возьму, и вытку ткань наоборот,
Затем, покрою белым
вновь,
начну читать свой монолог.
Поднимут занавес, и в тишине,
взорвется зал, ликуя,
сладко мне...

I haven't seen such silks ever.
 What a whitish thread!
 What a frozen hemstitch!
 Interesting pattern braids
 It seems too simple to me.
 Fascinatingly glissades in tension
 Wanders, arouses, way too delicate.
 Cut the fabric and you'll become rueful.
 Intrigues are gone.
 And costume is awkward.

Storm slackens
 The end is unseen.
 Dream attacks greenhorn.
 He doesn't care a cuss,
 If there by box winds whirl,
 Wholly heaping.

Hosts of heaven hiss the accursed and intolerable.
 They forgot to shout: "Bravo!"
 It's not that easy for me, nor for them.
 Beforehand I guess
 I will take and weave fabric back to front.
 After that I'll cover it with white again
 And I will start my monologue.
 In silence curtains will be lifted
 And storm of applause will stuff the hall
 Triumphant, I feel delightful.

История этой неземной любви,
случилась за две тысячи лет
до проклятой войны.
Две раненных души искали покоя:
Прасковья да Марья
их звали в народе.
И что бы случилось сейчас,
ты пойми,
не будь однополой их бабьей любви.
Так, дни пробегали,
мелькали недели,
в плеске вод,
утонченной лени,
в сборе цветов, ягод, и хмеля,
черные косы, как змеи сплетались,
в суровые зимы тела приближались.
Две раненных души искали покоя,
под песнь соловья навек успокоясь.

Прозрачные руки,
большие глаза,
тонкие икры —
волнуют зал. Движения вынуждены подчинять —
вибрации тела,
скрипки плачь.
Кружишься вихрем без оглядки
ногам твоим больно:
вынашивая па,
плачешь,
ликуешь,
даешь знать нам.
Пальцы расстались,
вцепились больно.
Музыки — нет
Всем — «Вольно!»

The story of that unearthly love occurred
 Somewhat two thousand years prior to accursed war.
 Two wounded souls were looking for comfort
 Their names were Praskovia and Mary in public.
 And whatever happens right now
 You have to understand
 There is no chance for their feminine love to begin.
 That's how those days used to go by
 Weeks gleam in the splash of the water of exquisite laziness.
 While gathering flowers, picking berries and hop,
 Black braids interlace as snakes with one another.
 Their bodies came closer, as rough winter approached.
 Two wounded souls were looking for repose
 Forever and ever settling down along with nightingale's song.

Transparent hands
 Big eyes
 Thin calves
 Excite the hall.
 Movements force to obey
 Body vibrations and violin's cry.
 Hastily You spin dancing
 Your feet sore as they bring in pas
 You cry and You triumph,
 Letting us know.
 Fingers have torn away, as they gasp painfully.
 There is no music, everyone at ease!

Звуки Шопена струятся плавно.
Ты в нетерпении жизни равной.
Каждый аккорд уносит все дальше.
Ветра порыв подтолкнет тебя —
вот и взрыв:
не стихает «ЛЯ».
Как ручеек умывает она,
Все закоулки больного «Я».
Да, ты прощаешь, слезы роняя,
внутренне сжался, но расцветаешь.
Руки пульсируют над роялем:
Шопена уж нет — лекарство осталось.

Странник понуро в гору идет,
не разбирая наскальных пород.
Бремя несет,
разрывает хлысты,
но не хватает ему доброты.
А почему бы тебе не пойти,
вслед за хорами Ангела тьмы?
Разрушая законы мглы —
свет засияет против борьбы.
Сердце сочится алою кровью,
и не видать тебе больше воли.
Радость закрыта,
счастье в пути,
туман скрывает твои грехи.
А за туманом идет волна.
Ты бы хотел, чтоб омыла она
слезы в глазницах погибшего зла?

Chopin's melody fluently spouts.
You impatiently wait for an equal life.
Each chord carries away so far
And blast will push you
Here is a blowup and "la" won't quiet down.
It laves as a creek
Each alleyway of sick ego
And there you forgive,
While losing the tears,
You internally squeeze,
But flourish.
Your hands throb above the piano
Chopin is gone and the cure remained.

Wanderer drags himself along to the top
Not taking notice of rocks.
Burden carries, tearing whips apart
But he is hard pressed for goodness.
Why don't you follow choirs of the angel of Darkness?
Light will shine against the struggle
Breaking the rules of the haze.
Heart bleeds with vermeil blood
You will see no freedom anymore.
Joy is secreted away
And happiness is on the way
The Fog conceals your sins.
And behind the fog is the upcoming wave.
Do you wish it to wash away the tears in the eye-pits of dead evil?

Шляпы, перья, вуали, перчатки,
всюду желанья, письма, загадки.
Вальсируют ноги,
сжимает рука,
тонкий обрывок бумаги.
Кровавые блики свечей на столах —
бросают тени в дальний кабак.
Там, в окружении смрада и пыли,
девчушка грезит о замках и дынях.
Сидит, в окружении знатных господ.
Чулки ее ветхи, торчком грудь ее,
Тело — устало, веки слипаются,
но как чисты помыслы юные.
Вальсируют ноги,
сжимает рука,
хрустящий обрывок червонца.
Плечи расправились, кудри волнуются,
Бесценность желаний — в муках даруется.

На груди твоей покоясь —
все покоя не найду.
Знать — не хочешь ты, злодей,
отпустить меня с полей
Знать — не ведаешь ты, барин,
что суставы стынут в лед,
и любовь — не согревает
мою крепостную плоть.
И на завтрашнем рассвете,
ты захочешь вновь покрыть,
этим сладостным позором,
Сытым — в радость,
Бедным — в хворь.

Hats, feathers, veils, gloves
 Everywhere are wishes, letters, and secrets.
 Feet waltz
 Hand squeezes a delicate of paper
 Bloody splotches of candles at tables
 Throw shadows at distant tavern.
 There among stench and dust
 a girl dreams of castles and melons.
 She sits surrounded by noble Messieurs.
 Her stockings are decrepit.
 Breasts stick out. Her body is tired.
 Sleep hangs on her eyelids,
 But youthful thoughts are so pure.
 Feet waltz
 Hand squeezes a piece of crunchy chervonets.
 Shoulders are set back, curls tremble.
 In the throes inestimable value of wishes is granted.

As I rest on your chest
 Quietude I can not find.
 I see, miscreant,
 You don't want to leave me off the fields
 I see, master,
 You don't know how joints freeze to ice.
 Love doesn't warm my bonded body
 And tomorrow at dawn
 You'll want again to cover
 With this sweet disgrace
 Satisfied to celebrate
 And yet so poor to illness.

Хлопнула дверь — мне привольно.
Не объяснишь — мне же покойно.
Сковала цепью лень беззлая.
Жизнь — идет,
выбивает дробью.
Солнце расплавало крыши домов.
Трамваи — звенят,
рельсы — гудят,
«Столовая» — манит,
погоду вещает.
Ты обвиняешь — мне смешно,
ты забываешь — мне все равно.
Льдинки искрятся в твоих глазах.
Ложь узнаю:
Мне без Правды — никак!

Идут часы:
стучат подряд,
отсчитывая,
все назад.
Старцу — на радость,
Молодым — на горе.
Блаженны мысли,
приводя в порядок,
утрачивая яркость красок,
топчаь на месте,
душат сладко,
бегут назад,
как друг наш шаткий,
не отдавая — чтоб ценили,
взамен, ничто не попросили.

The Door has clapped — I feel free now.
 You won't explain — I feel easy
 Good-natured sloth has enchained.
 Life goes by, knocking out with dust-shots.
 Sun has melted down the roofs of the houses.
 Tramway cars clink, metals buzz.
 "Stolovaya" beckons and predicts weather.
 You accuse — ridiculous to me.
 You forget — I don't care.
 Pieces of ice sparkle in your eyes.
 I recognize lie.
 There is no way for me without the truth.

The clock goes
 And knocks at a run,
 Counting backwards.
 For better to elder
 And for worse to the young.
 Blessed thoughts
 Bringing to order
 Losing the brightness of colors
 Making no headway
 They throttle sweetly
 And run back
 As weak friend of ours
 Not giving a thing,
 In return
 he wants to be appreciated
 he wants nothing to be asked for.

Нелепость, как она проста.
Ты не поймешь ее, всегда,
глядя в глаза тебе, она —
очаровательно больна.
Подкупит, снова не заметишь,
потянет за собой беда.
Сильней тебя —
никто ее не знает.
И так родна тебе она,
во все
сует свой нос нелепость,
переводя труды поэтов,
их столь нелепый уху стиль.

Птичка застыла среди небес.
Не обратиться ли ей, наконец,
в лебедя белого.
Тут и конец мытарствам всем,
среди бурь и дождей.
Камнем упала птичка,
затем,
лебедь застыл, ожидая конец.

Рысь, как бы невзначай,
сглотив слюну, избавилась от белки.
Так мы, обычно не страшись,
раскладываем клетки.
Предав, обидев, и убив —
ложимся спать, обиду затаив,
и поутру, застыв в комфорте,
«зеленым» делаем отсчет,
предполагая жить так — вечно,
грызя замызганную кость.

Absurdity, how simple it is.
 You won't be able to realize it
 It looks you in the eye, forever
 Looking so charmingly sick.
 It'll bribe you, you won't even notice
 And misfortune will pull you over.
 And no one knows this stronger, than you do.
 It is so native to you
 Absurdity sticks her nose into everything
 Interpreting poet's oeuvre
 So awkward style to hearing.

A Bird was stock-still among heavens.
 should it turn into a white swan eventually.
 There it is the end of all toils,
 Among the windstorms and rains.
 The Bird stooped down,
 then the swan froze, while awaiting the end.

Trot swallows saliva
 As it accidentally
 Sloughed off a squirrel.
 That's how we usually lay out the cells.
 Having no fear
 As we have already betrayed, offended and murdered
 We go to bed harboring an insult
 And as we freeze in comfort in the morning
 Counting out the "greenbacks",
 As we assume to live forever,
 While biting a sloppy bone.

Трезвость суждений —
маяк в ночи,
дым при пожаре
и голос тоски.
Рабство: в натуре его —
Три творца
мнут и ваяют портрет мудреца.
Искренность манит,
правда гласит,
и тумакнами народ осквернит.
Быль или небыль —
не вечный вопрос.
Кто-то воюет, а кто-то поет.

Рыбка, качнувшись, сглотнула наживку.
Красотка, раздевшись во тьме донага,
гребла, что есть мочи,
на смех рыбакам.
Месяц ласкал шелковистую даль.
Лилий коснувшись,
Шутник — проиграл.
Смерть приводила в движение ил.
В кубки рекою, втекала жизнь.
Звезды — градом валились на нас.
Шутка,
а все ж,
неприглядный фарс.

Judgments sobriety —
Lighthouse in the night,
Smoke in fire condition
And voice of Angst.
Slavery is in kind of it
Three demiurges poach
and form sage's portrait.
Sincerity lures, truth says
People will befoul with socks.
True story or not —
makes no everlasting question.
Some carry on war, others sing.

The little fish lurching swallowed the bait
Pretty girl stripped to the buff in the darkness
She rows with all her might, making fishers laugh.
The moon has cherished the silky distance.
Joker has gambled away, once lilies he touched.
Death used to put in motion the slit.
Into goblets as river life has flowed in.
Stars hailed upon us
Just kidding!
Nevertheless, the farce is charmless.

Наука всем:
грешить не сознавая.
Сознав —
навек избавишься от страсти.
Взамен —
получишь лишь напасти.
Всю суть науки —
извратишь,
и нереальность —
избежишь.
Не думая —
ты вновь паришь,
а погрузившись —
стук и тишь.
Вся философия — в одном:
Идешь — иди,
Застыл — ты спишь.

Обретаю, искажаю,
верую и уповаю.
Друзья — не милы,
враги — не страшны.
Озноб — бьет,
раздражает.
Внутривенно колю —
странную грусть,
уношу с собой —
грязь и испуг.
Льет грибной дождь
поутру,
приводит в порядок
мысль мою.
Верую и уповаю,
обретаю, упускаю.

A lesson to all:
to sin with no recognition.
Once perceived
You'll get rid of passion forever.
And you'll get just adversities in return.
The core of science you'll misinterpret,
And unreality you shall avoid.
Without any thinking you float over again
As you have sunk into, there are just knock and
stillness.
The whole philosophy is one thought:
In case you are walking — keep walking
In case you are frozen — you are asleep.

I gain, distort
I Believe and hope.
Friends are not dear
Enemies are not frightening
Shiver churns and irritates.
Intravenously I break the weird grief
I carry away consternation and filth.
Sun shower rains in the morning
And shapes up my thoughts.
I believe and hope
I gain and let it go.

Кубарем по лестнице
качусь
я.
Клубком, группируясь,
страхуюсь,
конечно же,
я.
Но вот, наконец,
финиш,
звонящая тишина.
Сознание, вдруг отключилось,
уже понимает она,
вот, где мечты сбываются,
лопаясь, словно шар,
скачут они, обгоняя,
даже арабский табун.
Облако — рассеялось,
обнажая суть.
Сознание вернулось:
я начинаю страдать.

Натюрморт — вольный,
с долькой чеснока,
в пепельнице — полной,
примостился на углу табуретки,
сколоченной — неумело.
Луч солнца — яркий,
освещает небрежную улыбку,
на лице твоём,
в момент создания того,
что называют: промежутком времени,
и, остановленное, лишь мгновением,
руками — потными, несмелыми,
на перекошенном холсте.

I go heels over head downstairs.
As some clew, I group, unsure
Sure enough this is me.
But finally here it is,
Finish is clinking silence.
Suddenly the consciousness switched off
Now she understands,
At what place dreams come true
When they burst as bubble
And gallop way ahead of Arabic flock.
Clouds have cleared away
Unsheathing the core
The consciousness is back
And I begin to suffer.

Chainless still-life painting —
The clove in overfull ash tray.
Settled down at the corner of
Artlessly nailed together stool.

A ray of sunlight
Highlights a casual smile on your face
At the very moment of creation of
What has the name of time interspace,
This has been stopped by twinkling
And with awkward sweaty hands
At the distorted canvas.

В этот долгий зимний вечер,
стоит бокал, наполненный слезой.
Тихонько тлеет сигарета где-то,
пытаюсь я прочесть ответы,
на толстом сахарном окне.
Мороз, он сделал свое дело,
создав рисунок на стекле.
И долго буду я читать:
Вопрос — ответ,
начать — и знать.
Возможно, странной покажусь я,
ведь греет душу предсказанье.
И спать спокойно отправляясь,
умом терзаюсь вновь и вновь,
внезапно, бурно пробуждаясь,
бежать, в надежде упорхнуть.

Струны души моей лопнули.
На грани силы —
невольно,
оглядываюсь сквозь слезы —
довольная,
бегу, обретаю —
свободная.

Бьют на площади часы.
Не щади меня —
безвольную.
Обрати ты в птицу —
вольную,
дай игриво мысли литься,
и в воде родниковой умыться,
соскresti свои слезы засохшие.
Я вычеркиваю
все остальное.

In this long winter evening
Wineglass is full of tears.
Somewhere softly cigarette molders
On the thick, sugary window
I attempt to read over the answers
Frost is done
Once drawing is created
And I shall read for a while
Question-answer, to begin and to know.
I might look weird,
After all the prediction warms up my soul.
Peacefully going to bed
I feel uneasy over and over
All of a sudden I wake up roughly
To run, hoping to fly away

The cords of my soul have popped.
Strengths on the edge — unmeant,
I look back through tears — satisfied.
I run and gain — free.
The square clock dangs.
Don't have mercy upon me — weak-willed.
Turn me into a free bird,
Let my thoughts flow playfully,
Let me scrape my dried up tears
And let wash myself up in spring water.
I expunge the rest.

Обеспокоенные провода.
Холод гремит,
сотрясая сердца.
Мертвые смеются,
ведут хоровод,
хворост собирают
жечь под Новый год.
Искорки летят,
живым весточки хранят.
Тепло отдадут —
себе не возьмут.

Рыцарем он в жизнь пришел.
Старость — обострила характерность линий.
Ладонь — прорезана насквозь
невзгодами и пораженьем,
и заштрихована любовью.
Увы, но главный знак — не сохранил:
отметину на «рыцарство»
легко он обронил.

Кудрявая сирень отликает серебром.
не хватай, холеными рукам, дикую красу.
Формы страсти неумной —
шлепают сиреневые ветки.
Грубое вмешательство,
и весь бутон раскрывает сети.
Мох, тонов глубоких,
обозначил складку.
Нежно выпуклость, у живота храня,
веером еловым обмахнет,
вновь несмело набежавшую слезу.

Cables disturbed.
 Chillness thunders
 And shakes hearts.
 The Dead laugh and reel
 As they go sticking to burn on the New Years Day.
 Sparkles fly as they save messages for live.
 They give away the warmth
 But they will never take it.

He came into this life as knight.
 Senility has aggravated the distinctness of lines.
 Palm is cut through with misery and beating
 But hatched with love.
 Alack, main sign has not been kept:
 And knighthood's mark easily was buried.

Curly lilac pours off with silver.
 Don't you grasp wild beauty with sleek hands.
 Lilaceous branches slap shapes odd irrepressible
     passion.
 Just rough interference
 And whole bud reveals netting.
 Moss of deep shades has designated wrinkle.
 Gently saving bulge of a belly
 Fans with a fir fan a once again wanly running tear.

Идет караван,
вяжут пески.
Верблюдов двугорбых,
стегают кнуты.
Навьючены вечным богатством они.
Коврами, золотом,
Хочешь — бери.
На отдалении в три дня —
город стоит,
ожидает дани.
Шатры раскинулись,
а в них,
наложниц смех, детишек визг.
В мрамор бассейна
торс погружая,
шейх принуждает,
любить искушает.
Ночь наступила,
факелы горят,
каравана — не видно,
проклятый мираж.

Птица тоскует по воле —
глупа.
Тупость волнует корову —
с полна.
Солнце встает до захода —
она,
ищет двойной удар дрозда.
Радость — не радость,
Печаль — грустна,
ведь никому неизвестна она,
скрыта под вечным покровом в ночи,
боль настигает вначале пути.

The Caravan goes, sands sink.
Whips quilt double-humped camels.
They are packed with everlasting wealth.
Rugs and gold.
You want it? — So take it!
There is a city three days away,
Waits for a tribute.
Tabernacles are spread,
Embracing laugh of concubines and kids' yelp.

The Sheik forces to steep torso
Into the marble pool
As he baits to love.
The Night has come
Torches are burning
The caravan is unseen
A Cursed mirage.

The Bird is sick for liberty.
Silly.
Bluntness commoves the cow.
Fully.
Sun arises before sunset.
She looks for a double stroke of thrush.
Joy — not joy.
Grief is sorrowful.
And unknown to everyone,
Hidden beneath the ageless cope of night.
Ache overtakes at the trailhead.

Перчатки пахнут ландышем,
вы снова копались в саду.
Дерево кроет тенью
Вашу щеку.
Ветер играет юбкой,
так хотел бы я,
шалость свою вольную,
дарить Вам,
любовь моя.
Но чувство слепо, презренно,
не видит оно, хоть кричи,
морщинок Ваших недобрых,
и старость впереди.
Меня не пугает ни сколько,
души, Вашей, твердая сталь.
Глупец я поневоле,
я поневоле — Ваш.

Шелковистость кожи твоей ласкает мне взгляд.
Юношеская удаль обретает стать.
Только я,
не дотрагиваясь, могу понять,
в каких местах извивается страсть.
Мужчина я —
рожден.
Не намерен
глупым взглядам внимать без доверия.
Ты — любовь моя нетленная,
Только — брэнная... Брэнная...
Отступись, уколись,
этой жизнью нелепой.
Навсегда привяжи к себе
нитью бесценной.
Я вовек тебя не забуду
молиться, молиться, молиться,
Буду...

The Gloves smell of lilies-of-the-valley
You've been digging in yard once again.
Tree covers your cheek with shadow.
Wind plays with your skirt.
How I wish I would give you my pranks,
My love.
But feeling is so blind, so contemptible
It doesn't see your unkind wrinkles,
And you may even scream.
And old age is ahead.
I am not even scared by the firmness of your soul,
That's hard as steel
Against my will I am such a fool
Against my will I am Yours.

Your skin's silkiness caresses my sight.
Young prowess becomes plant.
Just me,
Without touching may understand,
Where passion coils.
I was born a man.
And I don't intend to heed stupid sights without any trust.
You are my imperishable love,
But frail... so frail.
Stumble and prick with this absurd life.
Tie to yourself with priceless thread forever.
I will never forget you.
I'll pray, pray and pray.

Игра теней —
заораживает взгляд.
Суть в двух:
вот весь мой вклад.
Останавливаясь, сердца,
заманивают в темень
не спеша.
Отстукивают нам последний марш,
сплетаясь, вновь парализуют взгляд.
Но ты, мой милый,
не страшись,
перекрестись, и присмотришь,
как в дыме сумерек они,
танцуют в ритм,
топчасть на полыни.

Искуплю вину свою,
как знать.
Опишу дугу во сне:
не красть.
Тот, кого стремишься оболгать,
вниз упадет, роняя стать.
Боль разложит тела,
и унесет сквозь года.
Осмелишься ли быть тогда,
своим величием полна,
отдать, продать свои лета,
чтобы ликуя получить сполна.

Shadow effervescence spellbinds the sight.
Main point in two: this is my entire contribution.
Hearts lure into darkness leisurely,
As they stop.
They tick away last march for us
As they interlace and once again paralyze the sight.
Don't be frightened my dear.
Make a sign of the cross
Take a closer view of how in the twilight smoke
They dance to the beat, stamping on wormwoods.

I will wash away my guilt, who knows.
I will make an arc in my dreams: don't steal.
Those whose reputation you try to slander
Will fall down, dropping the noblesse.
Pain will decompose the bodies
And will carry away through the years.
Full of greatness, will you be as bold
To give and to sell your years,
To get cheerfully what you deserve.

Ожили луга,
пришла весна,
застыли берега,
в ожиданье тепла.
Лопаются почки,
орошают пенечки.
Обняла сосна ольху,
и медведь грызет кору.
Город стелется внизу,
обнажает суть свою.
Нипочем он не поймет,
как ликует старый луг.

Как долго б мы не пировали,
так и не взяли б в толк,
зачем, после еды,
приходит насыщенье,
и голод прибывает вновь.
Как жаль, что в долгие пиры,
Мы не созерцали лиц своих,
признав достоинства,
в листве морщин.

Испуг во время тех свиданий
гнетет его,
раздавливает сон,
и робость первых ожиданий,
выходит за пределы стон.
Он залпом выпивает грусть свою,
утирая воспоминанья,
к звезде его влечет признание,
он — презирает плоть свою.

Meadows have come to life
 Spring came
 Brinks petrified in wait for warmth.
 Sprouts break down
 Watering snags.
 Pine has hugged alder
 And bear is gnawing bark.
 A city trails down
 Baring its essence.
 There is no way for it to understand
 How old meadow rejoices.

It doesn't matter for how long
 We feast
 It's hard to grasp why after meal
 Glut comes and hunger fastens once again.
 How vexing, when during long-lasting feasts
 We didn't gaze into our faces
 And within that wrinkled foliage
 We have acknowledged merits.

During those dates
 Fright preys him
 Crushes his dreams
 Crushes the shyness of first expectations.
 And a moan goes beyond.

He drinks down his grief
 He exaggerates memories.
 He is attracted to the star by confession.
 He disdains his flesh.

Косая прядь за перламутром уха,
и заостренный кончик языка,
оттачивает тексты за «стучащей»,
без перебоя ночь храня,
чтоб в миг утешить мысль пера.

Блуждает в закоулках правды
вновь натываясь в тело лжи,
насупившись, перо уходит
во близлежащие дворцы.
Затем, пресытившись красой гранений,
оно исчезнет, не простясь,
блуждать, не мысля, в складках правды,
и ложь, конечно, избегать.

-Посмотри в глаза, собаке своей,
жизнь свою ты увидишь в ней.
Шерсть взъерошь,
в путь, смелей,
и тогда, ты поймешь, кто сильней.

Прощать, отдавать, ждать, учись,
нестись вслед,
узнав силуэт.
«Тебе — плохо»? — глаза задают вопрос,
возмущаясь смотрят:
«Ведь проходишь мимо,
все, что хочешь — вот!»

A sideways lock behind the nacre ear
A pencil pointed tongue polishes texts
At the banging typewriter
Like clockwork saving night
To instantly solace the pen's thought.

Roams in alleyways of truth
As it runs against body of lies
The pen goes frowned to neighboring palaces

Then it disappears without saying goodbye
It palled with beauty of cutting.
To wander without thinking in pleats of truth
And to avoid lying.

Look in the eye of your dog
There you'll capture your life.
Dishevel the hair and on your way bravely go.
And there you'll get who is stronger.

Learn to forgive, to grant and to wait.
To rattle along, once shadow-figure is known.
Eyes express the question: "Are you feeling not well?"

"Do you feel bad?" — eyes are asking a question,
As they indignantly gaze:
"After all you walk by, and anything you'd want is right
here".

Издавая звуки,
даем знать:
откуда берем начало,
когда сможем отдать.
Исследовав глубину своих колодцев,
облетаем смысл возможностей:
копить, закладывать, дарить, обязывать.
Ознакомив всех со своей концепцией,
удаляемся гордо без явных потерь.

Ребенок был рожден кокоткой.
Устав лежать — он дунул попойкой.
Пришли в движение все мышцы,
не дав покоя роженице.
И был таков красив и смел,
что заставлял сердца искриться,
всех благодетельных он девиц.
Тем самым, облегчив конец,
своей измучавшейся плоти.
Нам — в радость, а кому — во грех.

Неясной походкой
обращаешь на себя внимание.
Его рот — недоумеваешь.
Роднит вас вместе слепая вера.
Разводит — легкая замена.
Застывшая мозоль-
напоминает дело.
Разинутые рты — не обретаются,
а в бликах мести — замолкают.
Несется день за днем без меры,
обогащает он, не дремлет.

Sounding,
 We let know:
 Where from we take the beginning,
 When we'll be able to give back.
 Once having explored the depth of our wells,
 We find the meaning of possibilities:
 To save, to put, to present and to oblige.
 Once our conception is introduced to everyone,
 We recede proudly without obvious losses.

As cocotte this child has been born.
 When he got tired, he blasted with his buns.
 Giving no rest to parturient,
 He brought each muscle into motion.
 There he was so handsome and so courageous,
 So that he has forced hearts to sparkle
 Of every modest maiden.
 At once he simplified the end
 Of his exhausted body.
 Gladness to us and sin to others.

With help of vague walking you draw attention.
 His mouth shows bewilderment.
 Implicit faith brings you together.
 Gentle replacement pulls apart.
 Stark callosity reminds of pursuit
 Widely open mouths gain nothing
 And among glares of vengeance fall silent.
 Immeasurably day after day flies by.
 Enriches he and never drowns.

Мучаешь меня, зачем?
Во мне нет ни капли плохого.
Тебе ж сил хватает губить двоих:
        себя и меня.

Колешь иглы свои
в мою восковую фигурку.
Испуган, разнуздан, неловок стоишь.
Не можешь вспомнить ярко
радость встреч, бурю ласок,
а лживость своих — принимаешь за сказку.
Герой, мой, герой,
        звала тебя я.
Свои клыки ты точил,
        злость храня.
Why do you torture me?

Извергая кровавый поток,
Она — вулкан,
что поделать ему.
Лишь слабый намек в глазах его.
В ней все взрывно, и все ясно.
Огнегрива лавина ее,
окружает гордыня его.
Оступается он на вершине груди.
Ловит страстно она,
не дав разбиться.
И на подступах опять,
пробует он
штурмом взять.

There is not an atom of bad in me.
You are full of strengths to destroy both of us.
Me and Yourself.
You stick your needles into my wax figurine.
Freightened and unbridled, You awkwardly stand.
You can't lively remember
The joy of the meetings, the storm of caress.
But the falsehood of yours,
You take for a fairy-tale.
Hero, my hero, I used to call you.
But you were sharpening you fangs,
Saving the rage.

Belching bloody flow,
She is volcano,
What can he do?
Just a faint hint in his eyes.
Everything is so explosive in her,
Everything is so clear.
Flamed mane is her avalanche
And pride surrounds him.
He stumbles at the top of the chest.
She catches him fervently,
Not letting him to crush.
And once again near the avenue of approach
He attempts to take by assault.

Душа моя испытывает грусть.
Услышь меня, пожалуйста, услышь.
Вокруг темно, так скорбно,
лишь,
я сердца слышу звон,
и мышь летучая,
оттачивает зубки в тиши крыш.
Пальцы зябнут, я не вижу их.
Надо мной плита с надписью:
«Летишь, летишь, летишь».
Искупив свои шалости в жизни,
трансформируюсь быстро.
Не успев испытать испуг,
разлагаюсь, на вечность в вселенной.

Тонка,
хрупка,
больна,
влюблена.
Ах, этот голос,
просто воля Божья.
На покрытом льдом озере,
вибрации твои в морозном воздухе.
Лопаются вены в теле,
словно струны на виолончели.
Забери ж ты меня навек,
в свой волшебный оперный век.

My soul experiences sadness.
Hear me, please, hear me.
It's so dark around and so dolefully
I hear heart ringing
And a bat sharpens its teeth in the stillness of the
    roofs.
Fingers freeze, I don't see them.
There is a slab with inscription above me:
"You fly, you fly, you fly".
I metamorphose quickly,
Once I have atoned my tricks.
I break down to eternity of the Universe
Not having time to experience fright.

Thin,
Fragile,
Sick,
In Love.
And this voice is just a will of Heaven.
There are your vibrations in the icy air,
At a glaciated lake.
And veins burst in the body,
Like cello's cords.
Take me to your magic opera age for good.

Он не хотел,
а ты рыдаешь.
В тебе все краски мира,
жаль, не понимаешь.
Тебя окутывает легкий горностаи
продрогло тело,
ум не жаль,
каблуком пронзая сталь,
он — смеется,
обгрызая вуаль.
Я бегу тебе на помощь
сквозь толпу,
кричу отчаявшись,
что они давно в изгнании.

Обмакнув в чернильнице перо,
сидит Пьеро, обратив взгляд в окно.
Горит свеча, освещая вокруг.
Рояля клавиши, тянут грустно.
Белое лицо,
кровавые томные губы,
суть его — далеко,
грусть — подавно.
Собирает где-то неспешно
текст и музыку вместе.
Интонации больно ранят,
Останавливаясь — заживляют.
Наш Пьеро — право вечен:
наделен им каждый встречный.

He didn't want to, but you are sobbing.
Every color of the world is in you,
Too bad you don't understand that.
Light ermine wraps you,
Your body chills,
There is no pity for mind
As piercing steel with a high-heel,
He laughs, gnawing the veil.
I run to your aid through the crowd,
Screaming desperately,
That they were exiled long ago.

Dipping a pen into the inkpot,
Pierrot sits, as he gazes at the window.
The candle burns, highlighting around.
The piano's keys haul sadly.
White face,
Languid bloody lips.
The main point is so far,
And so much the more is sadness.
Somewhere deliberately puts
Text and music together.
Intonations painfully hurt,
Once they stop, they heal.
Our Pierrot is ageless:
Every one on the way is vested with him.

Голуби Венеции,
мутная вода,
площадь звенящая —
призраков полна.
Сквозь силуэты домов
гондольеры правят
делают отсчет,
зябко, влажно.
Открываю глаза:
лошади в золоте
покой церковей хранят.
Голуби Венеции,
роскошь утопающая,
хрупкие мостики
к воде приближаются.
Я наступаю на плащ незнакомца —
храню молчание:
все только начнется.

Страсть обуяла сердца
в наказание Творца.
Движет он любую силой,
но не предотвратит конца.
И раскинувшись леса,
ждут трагедии гонца.
Творец вынужден искать.

Как замену подыскать?
Но чем больше сожалений,
тем в погибели краса,
и наука всем она.

The Doves of Venice.
 The Water is muddy
 The tinkly square is full of ghosts.
 Through the shadow-figures of houses
 Gondoliers rule and read off.
 It is so chilly and moist.
 I open up my eyes:
 Horses in gold keep peace of the churches.
 The Doves of Venice.
 The Drowning luxury
 Frail bridges haul into water.
 I step on a stranger's raincoat
 And keep silent.
 Everything just begins.

Passion overcame the hearts
 As the Creator's punishment.
 He moves any force,
 But the end is unpreventable.
 As forests spread,
 They wait for tragedy's courier.
 The Creator has to seek.
 How to make a substitution?
 The more regrets, the more beauty in perish.
 And beauty is the lesson to everything.

Слепые объятя
больно, больно.
Смешат, одурачивают,
как вольно,
рубят сплеча,
все топча.
А вслед за ними,
сыплет роса.
Купаясь, катаясь,
в ней иногда,
освобождаешься
ты — навсегда.

Робость движений, суетность взглядов,
разве не ложь поселилась меж нами?
Когда не ладит рука с ногой,
шагом, шагом, шагом,
обратно навстречу,
но рядом.
Сквозь пелену,
застилавшую нас.
Все тот же черный,
зияющий глаз.
Расстелившись ковром, жемчуг
руки жжет,
затрудняя речи.
Сплетаясь,
тела замыкают кольцо,
и ноги дрожат,
подводя подлецов.
Шагом, шагом, шагом,
Навстречу —
не рядом.
Рука с ногой движется в такт
и нет пустоты, окружавшей нас.

Blind embraces
It hurts, it hurts.
Make laugh and befool.
At ease!
Shoot from the hip,
Trampling everything.
Following them,
Dew spatters.
As you bathe, rolling in it
You become free forever.

The cowardice of movements, the vanity of sights.
Isn't it deception settled down between us?
When hand doesn't get along with leg
At a foot's pace, at a foot's pace, at a foot's pace.
Back and forward, but side by side.
Through pall, that used to cover us.
All the same black and dehiscent eye.

Pearls spread as carpet, burning hands
And hinders harangues.
The interlacing bodies form a circle.
Legs tremble, betraying sneaks.
At a foot's pace, at foot's pace, at a foot's pace.
Towards — not nearby.
Leg with hand moves to the beat
There is no emptiness, that used to begird us.

Греция — манит,
Греция — жжет.
Айседора тунику рвет.
Входит в соленую воду она.
Двигается — плавно,
Дышит — ровно.
Не видно рук.
Плывет навстречу звездам.
Море становится твердым сперва,
Все...
Понимаешь: на сцене Она.
Ослепив перламутром бедро
напряженно,
расслаблено,
руки отдельно
танцуют не в такт.
Раз — слышишь хруст,
Два — отрада.
Губами — шепчешь
Губам — больно.
Айседора... Айседора...

Дивная родинка над губой,
странная быль перед тобой.
Вверх поднимается — ладит она,
вниз опускается — губит она.
И понимает без слов
сама,
в сути моей разбираясь без зла.
Выручает, верность хранит,
и за заслуги тебя наградит.
Вы ведь наверное догадались,
чья это родинка?
Мама — знает.

Greece lures
Greece burns.
Isadora tears tunic.
She enters the salty water.
As she glides smoothly, she breathes evenly
Hands are hidden from the view
She swims toward the stars
At first the sea hardens
That's it.
As she tensely dazzled with nacre her thigh
Relaxed, her hands dance separately
And not to the beat.
At first you hear a rustle
And then you're filled with joy
You whisper with lips, it hurts
Isadora, Isadora...

A wonderful mole above the lip.
Strange true story in front of you.
As she turns up — she gets along.
As she comes down — she destroys.
And comprehends with none of words spoken
As she investigates me without any harm
Helps out, stays faithful
And will award you for merits.
You must have had guessed, whose mole this is?
Mother knows.

Часы уже «двенадцать» бьют.
Раз — в прошлом все,
Два — будущий экстаз.
Сухой букет на столе стоит,
мигают ели,
не дай Бог мечтам засохнуть в деле,
торжество разбавляет грусть мою,
снежинки — не тают,
ботинки — жмут.
В какой из дорог мне повезет?
Много ль забот..
Мало ль хлопот..
Духи целуются в Новый год,
всю ночь напролет благовония жгут.

Успех, обласканный мгновеньем
в затылок дышит упоением.
История берет свое,
подошвы, рассыпая в пыль.
Одно заветное желание
вторит мне — заклинания.
Из-под бровей густых
рассекает шрам,
историю, замысловатый.
Однако, жалости стенания
наказывает миг,
в момент признания.
Чем тягостней занозы и изгнание,
вольнее пишется банальное.

The clock strikes midnight.
One and everything is in the past.
Two and it is upcoming trance.
A dried out bouquet is on the table.
Pine trees twinkle.
Heaven forbid dreams to dry up afloat
Festivity dilutes my sorrow
Snowflakes never melt.
Shoes pinch.
What pathway is fortunate for me?
Plenty of concerns...
Lesser cares...
On New Year's ghosts kiss
And through the whole night they burn incenses.

Success, that has been treated kindly by the moment
Breathes into my back with gusto.
History takes what it should.
Spreading bottoms into dust.
One devout wish revoices spells to me.
From under the thick eyebrows
Ingenious scar cleaves the story.
However, compassion's wail
punishes the moment during confession.
The more oppressive splinters and exiles,
More free-and-easy common things are written.

Пророчащие голоса
дружным хором гласят:
«Иди, найди ту звезду.
Пойми ту тропинку, которой нет,
к поляне с подсолнухом вечно желтым.
Там ты этот цветок обними,
прислушайся в черные семена:
в одном из них твоя “звезда”».
Ах, эти пророчащие голоса
вечно манят, не знают куда.

—86- Рыбка плавала по морю.
Рыбка — стонет,
рыбке — больно.
Ждет старца: ей нужно воли.
Три желания она —
хочет выполнить сполна,
и не ведает глупышка,
сколь зловещая жена,
ждет: безумием полна...

Стучат поезда тук-тук.
Гудят пароходы ух-ух.
Уходит любовь, ах — пусть,
ведь вслед за ней —
навсегда грусть,
и знать, наперед, всю суть,
словно не слышать поезда стук.
Можно бравировать ну же — пусть,
а любовь — всеобъемлет,
с ней в путь.

The predicting voices as a united choir speak:

“Go find that star,
And understand the path, that doesn’t exist,
That takes you to meadow with an ever-yellow
sunflower.

There you hug that flower and listen to the black
seeds:

Among them there is your «star»”.

Ah, these predicting voices always beckon
Not even knowing where.

The fish has swum in the sea.

The fish moans, the fish is hurt.

Waits for a monk: it needs freedom.

It wants to realize three wishes in full

Silly doesn’t know how grim is the wife,

Who waits in total madness...

Trains pound rat-tat.

Steamboats honk heigh-hoe.

Love leaves, let it be,

On the morrow of love

Is sorrow forever.

To know all the meaning in advance,

Like not to hear a train’s rattle.

One can defy

Let it be

Love is all-embracing

Start on a journey along with it.

Отражение в озере вечном,
тихая обитель в белом, подвенечном.
Рябью повело отражение,
но могу узнать
в глазах спасение.
Испытывать себя — довольно.
Я вам скажу: не так уж это больно.
Где ни пришлось бы якорь сбросить,
всегда преследует одно:
наш мир — несносен,
но как сказать,
я полагаю,
один шанс есть:
попробую всё ж посмотреть
на отражение в том тихом озере вечном.

Ты видишь все, что для других
окутано неведомым и тайным.
Тебя захватит в плен мой стих,
и мне не хватит долготы ночей,
чтобы подпитывать твой слух.
Так трепетно, тревожно, сквозь листву,
свет проникает в нашу глушь,
Уносит тебя грохочущий состав
все дальше от меня.
Так гневно пишешь и винишь,
что разделяет глухота.
Эгоистично — радостный, стой!
Я предпочту —
не видеться с тобой.

A Reflection in a livelong lake
Is calm tabernacle in white and wedding
The reflection lead to ripples,
But I am can recognize salvation in the eyes.
Enough of testing yourself.
I'll tell you what: it doesn't hurt so bad.
Whenever you'll have to anchor,
One thing will hunt you all the time:
Our world is intolerable.
How shall I say
I guess there is a chance
I'll try to look into reflection
In that quiet and livelong lake.

You see things,
That are wrapped with unknown and vague.
You should be landed as a prisoner with my poem.
And length of nights won't be enough
To feed your hearing.
Light comes through our darkness
So flickering, uneasily through foliage.
The rattling train carries you away from me far-off.
You angrily write and accuse,
That it is deafness that breaks us apart.
Selfishly-joyful, wait up!
I prefer not to see you again.

Шестиконечная звезда,
шестая по — счету,
с рождения дана.
Если стоишь,
ревя отвергаешь,
на муки себя и меня обрекаешь.
Загаданы дали
и замки воздушны.
То — добрые дали
звезда освещает,
и замков воздушных —
врата открывает.
Тебя в маске злой
ослепит, и узнаешь,
что нет места тем,
кто в религии
свет искажает.

Гнев сознание затмил надолго,
остужаю чай я льдом.
Дождь прошел,
немного сыро.
Отпевали тебя вчера.
Я ж смеюсь —
так нереально.
Все другие думают —
так гадко.
Говорю с тобой всегда —
так гладко.
Я же с легкостью такой,
как никогда,
хочу быть красивой сегодня.
Буду петь и плясать:
для тебя...

Hexagram is sixth up to the score
Was given at birth.
If you stand and reject crying
You foredoom yourself and me to sufferings.
Distances set and castles are airy-fairy.
So kind distances a star illuminates
And opens up gates of vaporous castles.
You'll get blind in that evil mask
And then you'll find out
That there is no room for those,
Who light of religion distort.

Rage has overshadowed perception.
I cool down my tea with ice.
Rain is gone and now it's a bit moisty.
Burial service has been read to you yesterday.
I laugh — it's so unreal.
Everyone else thinks it's so ugly.
I talk to you so smoothly all the time.
And with that featheriness
More than ever
I wish to be beautiful today.
I am going to sing and dance
Just for you...

Дай же написать —
не сказанное,
дай же всех обнять —
не обнянных,
сжечь все письма —
непрочитанные,
вычеркнуть все мысли —
необузданные,
облететь все тучи грозовые,
дать задание на промывание,
всех запачканных, отравленных,
дай вскопать всю почву
для начала
жизни незамысловатой и свободной,
станет нечего писать —
все сказано.

Отпрянули мы в нерешительности
от всех, кто исключителен, в своей позиции.
Изобразили мир,
не обрета растительности.
Разоблачили белый снег,
который, стал вдруг черным.
«Естественным», нашли лишь,
к сожалению,
тот куст рябины, замороженный.
Отпрянут те,
кто был столь нерешителен,
и к радости большой,
лишась позиций.

Let me write what's indescribable
Let me hug everyone, who are not embraced.
And the letters, that have never been read
Cross out all the unrestrained thoughts.
Circumnavigate thunderous clouds
Encharge with a task to rinse
Any grimy and poisoned
As a preliminary let me dig up the soil of a simple and
free life.
There will be nothing to write about — all of this has
already been said.

Flabbily we have shrunk away from everyone
Who is exclusive in their position.
We have represented the world
Not gaining any verdue
We revealed the white snow,
That suddenly became black.
And unfortunately have found
Just that frozen bush of mountain ash.
Those will recoil, who are indecisive.
And up to huge joy, will lose the stance.

Орлы — мощны.
В размахе крыльев —
ложатся на жертву,
придавливая всем телом.
Свист тихий,
гонит орла назад.
Влюблен в жертву,
не чувствует в когтях поддержки,
измучен гордый профиль кровью,
надрывен хриплый стон,
несносен,
издалека — далека,
память заставляет
рыдать над прошлым,
и взлетая,
Орел находит ту скалу с печатью смерти,
там, где удар влюбленных обретаёт.

Скрипят качели
в парке дымном,
и свечи задувают
ангелы призывно.
Обрывки фраз —
едва слышны.
При шепоте ночной совы,
за холодом вечным,
обнажается все,
где прежде сочилось,
разнузданно, ветви свесив,
и делалось жарко,
от красок вечных.

Eagles are powerful.
As wings are spread
They fall on the victim
Crushing limb and bone.
Quiet fizz drives the eagle back.
In love with the victim,
It feels no backing in claws.
Proud profile worn-out by blood
Lacerated thick groan
Insufferable.
From a long way off.
Memory forces to sob over past
Taking off, the eagle finds that cliff
That has been sealed with death.
Where stroke finds lovers.

In fummy park the swings creak.
Invocatory angels blow out the candles.
Pieces of phrases are barely heard.
At whisper of night owl
Behind the everlasting coldness
Expose all things, where earlier oozed
Dissolutely, dangling branches
Became so hot of ageless colors.

Скосили глаза:
при опущенном занавесе,
неслышные возгласы,
грудь продавлена,
грациозность движений —
заполняет лист бумаги белой,
стройность женской темы,
ягодиц орнамент обнажает,
вынужденность поз несмелых
там, где от руки надменной,
тень проидет,
и приглашает всех испить
немного грусти.

Гнилые яблоки
в сказочном саду.
Гнилые — снаружи,
Внутри — ядро.
Крепкое, сочное,
не вяжет нисколько.
Так, в действительности,
гниль окружит,
разъедает сердцевину нужную.
Не забудь про сказочный сад.
Собери все яблоки грустные,
обработай не спеша,
вслушивайся, вслушивайся.

The eyes have skewed
At drawn down curtain
The shouts are noiseless
The chest's forced in
The grace of movements
Fills in the piece of white paper.
The harmony of female topic
Exposes the ornament of breech
Awkward poses are under protest
And shadow will pass
Where by arrogant hand
Invites everyone to drink a bit of sadness.

Rotten apples in fairy garden.
Rotten on the outside
And the core is inside.
Firm and juicy, not even astringent it is.
In reality, rottenness rounds up
Corroding the necessary core.
Don't you forget about the fairy garden.
Gather every sad apple
Process them with no hurry
Listen carefully, listen carefully.

Веки — дремлют
в сумрачном гневe.
Мозг — неустанно
дарит идею.
Все механизмы разобраны
к приготовлению Нового.
Смазываю иглы
машинным маслом.
Путь — неблизкий
доберусь ли до лиха —
не знаю,
забочусь ли?
Врать не стану.

С чем пожаловали —
на то постоянно жалуемся.
Обморожены лица и руки,
кости, что нетленны,
обрели покой при разделе.
Изменили судьбу свою сами,
обмакивая друг друга,
в горькой приправе.
Скрип деревьев —
обрекает на уныние.
Не дано им жаловаться:
им покой — пожалован.

In gloomy anger eyelids snooze
The mind constantly grants an idea.
All of the mechanisms are taken to pieces
In order to create a new one.
I grease needles with engine oil.
The way is not so close
Am I going to make it there?
I have no idea. And do I care?
I won't even lie.

We constantly complain about things,
We used to welcome
Faces and hands are frost-bitten
Incorruptible bones have recovered poise at partition.
Our fate we have changed on our own
Dipping each other in bitter seasoning.
Creak of the trees rides for a gloom.
Complaints are unknown for them
And quietude's granted.

Оскорби меня,
ведь я прошу,
а затем —
запомни глаз победу.
Навсегда на сердце положи —
страстную подмену.
Застучат зубы,
ты предчувствуешь —
все занозы впредь,
тебе и вовсе неподвластны.
Рассмеши меня:
я не хочу
видеть грусть твою.
Она фатальна.

Ель растет посреди двора,
скована снегом талым, вниз от бедра,
монстры железные, гаражи-коробки,
наступая — свободы лишают.
Ветви, «игластые» — слезы утирают.
На макушке, от ветра скошенной, совсем
немножко,
воробьи, упрямые — чирикают не умолкая,
в обиде постоянной на Природу,
что слухом музыкальным, наделила не их,
а канареек желтых в магазине на углу бульвара,
как только солнце хмурое на миг лишь улыбнется,
ель, тут же жмурится,
и радостно раскачиваясь, предвкушает:
еще мгновенье, и станет все сухим вниз от бедра.

Insult me
 Indeed, I am asking you
 Then memorize the triumph in my eyes
 Place the passionate substitution upon heart, forever.
 Teeth will chatter
 You should forebode, that all splinters now
 Don't depend on you.
 Make me laugh
 I don't want to see you sorrow.
 It is so fatal.

A fir-tree grows in the middle of the yard
 Binded with melted snow, down from thigh
 Iron monsters — garages-boxes attack,
 Depriving freedom.
 Prickly branches wipe tears away.
 At the top, which is squint just a bit by the wind
 Stubborn sparrows chirp non-stop.
 As they are offended by constant weather,
 That has not provided them with tuneful ear.
 As opposed to yellow canaries in a shop at the corner of
     the boulevard.
 As soon as the moody sun smiles for a moment
 The fir-tree blinks right away.
 It shakes loose joyfully, foretasting
 One more drumbeat,
 And everything will become dry from thigh and down.

Плечи вздрагивают
попеременно.
Справа — налево
вонзаются стрелы.
Справа — налево
сердца скрип.
Все не спорится
с рассветом,
сгустки инея больно кусают траву.
Обиделся на что-то голубь,
установился на ржавую трубу,
а коромысло,
что на плечи опускаешь,
напоминает кий,
в бильярдной на углу.
Забудь, пожалуйста, молитвы текст,
что постоянно повторяешь.
Плетись, навстречу
другу своему.

Признав ошибки прошлого —
тайное уже не беспокоит вовсе.
Все, на том пенечке, толстом,
разбивает в щепки,
дятел — остроносый.
Грозовые перевалы
семимильными шагами
тяжесть всю, взвалив на плечи,
спешат унести обиды подальше.
В руках сожму билет счастливый:
я не боюсь, все предвижу.

One by one the shoulders shudder.
From right to left arrows dent.
From right to left there is the heart's creak.
Nothing succeeds
And at dawn clots of frost bite grass.
Dove has been offended by something
And it stares at rusty pipe.
Where shoulder-yoke,
That you place on your shoulders
Reminds of cue from the billiard room at the corner.
Please, forget the prayer's text
That you repeat all the time.
Drag towards your friend.

Avowing mistakes of the past
Secrets don't bother any more.
At that thick snag
Sharp-nosed woodpecker crushes into splinters.
By leaps and bounds stormy passovers hurry to carry far
    away the insults
As they shoulder all the burden.
I squeeze a lucky ticket in my hand
I don't insure myself, I simply foresee.

Я переплываю медленно,
 тот океан,
 разукрашенный кем-то.
 На волосок... Увы...
 Я ж все плыву,
 ладошками пронзая Волну,
 то — изумрудную, то — алую, то — голубую,
 и в отражении, зеркальном плавников Акул,
 скользящих рядом,
 Я каждый раз себя не узнаю.
 Ах, сколько ж лет уже плыву?
 За судорогой — судорога сводит,
 я вижу — только Горизонт,
 когда же Дно?!
 Утопленников — не хоронят...

Завели кукушки песнь ночную.
 Завораживают,
 манят, в степь пустую.
 Я б радехонек
 почувствовать себя столь смелым.
 Сяду на горячий камень
 и вздремну.
 Сон окутает внезапно
 я ж иду,
 все без оглядки,
 по тропинке слишком гладкой,
 замороженный, вслепую...
 ...Все возможно
 в день ненастный,
 если веки крепко сжаты,
 хоть на часик, на другой,
 Мужество — не покидает.

I slowly swim across the ocean,
That has been decorated by someone.
I am within a hair's breadth....Alack
And still I swim, breaking Wave with my palms
Sometimes emerald, sometimes crimson, sometimes blue
And in the reflection of mirror-like fins of the Shark
Which glide nearby
And every time I hardly recognize myself.
Ah, for so many years I have swum already
Over one cramp, another cramp
The only thing I see is horizon.
And where is the bottom?!
Drowned men can not be buried...

Cuckoos strike into a nightly song.
They charm and beckon into empty steppe.
I would be happy to feel myself so brave.
I'll sit on top of a hot stone and take a nap.
All of a sudden sleep shall wrap me up.
And there I walk, without a backward glance
Along a very smooth pathway,
So enchanted, blindfolded.
Everything is possible at foul day
And if the eaves are firmly squeezed
At least for one or two hours
Fortitude does not leave me.

Ты пахнешь старостью, дружище!
Пиши мне лучше письма.
Я молодость свою дорисовала
в прошлом,
свою половиной обозначила
не точно.
Зловонны воздыхания ненужные.
Зачем, твой воспаленный мозг,
все принимает сигналы SOS?
Картинами смешными
в будущее манит.
Я разрешаю весело
писать мне
о новых пятнах старческих,
что на руках твоих, дружище,
вновь больно заставляют думать обо мне.

Меня не понимают толпы крыс,
а я не замечаю их.
Довольна ль я?
Конечно — нет.
Ну что поделаешь, поэт!
Ненужных фраз, так много в голове,
так много философий и религий,
ненужных вам —
я понимаю,
мне их пришлось произносить,
и рта не открывая.
Ах, крысы,
я люблю вас, пожираю, лишь глазами.
Близки вы мне.
Парадоксально.

You smell of old age, buddy!
 You should better write letters to me.
 Not long ago, I have painted my youth
 With my own half I have had denoted inaccurately.
 Useless velleities stink
 What for does your fevered brain receive SOS signals?
 And beckons with ridiculous drawings into the future.
 I allow you to write me about new senile blots,
 Those, that are on your hands, buddy
 Those, that make you painfully think of me.

The crowds of rats don't understand me
 I dissemble them
 Am I satisfied?
 Of course I am not.
 There is nothing to be done, poet!
 So many needless phrases in my head
 So many religions and philosophies
 That You don't need — I understand
 I had to vocalize them
 Without even opening my mouth.
 Ah, rats, I love you so much
 I gaze devouringly at you
 Ironically, you are so close to me.

Дуновения вихрастые,
омовения не частые.
Ворон на дубе щекастый —
каркает напраслину.
Над полем грязно-белым.
И гости в дом несчастные —
цепочкой тянутся,
не зная почему,
голова откинута,
в долгой предсмертной судороге,
призраки беснуются:
заывают нас
непонятым хором.

Распоряжусь я золотом, серебром —
неожиданно для всех,
и для себя самой.
Отрастают руки постепенно
в весла превращаясь, так смешно.
Где те люди,
до сих пор мелькавшие,
«Дорогою», меня называвшие,
целовали руки отрастающие
и в огне золотом играющие?
Где те ладони
куда вложила я бережно
свои копейки
мне не нужные?

Shaggy wafts, sparse lustrations.
Raven on oak croaks nonsense.
Above a dirtily-white field.
And unlucky guests move one after the other
Toward the house
Not even knowing why.
Head leant back, cramped
Ghosts rage and invite us with an odd choir.

I'll take care of gold and silver
Unexpectedly for everyone and myself.
Hands grow bit by bit
Turning into oars, it's so funny.
Where are those people,
That used to gleam,
Used to call me "Dear"
Used to kiss my growing hands
Used to play with gold in flames.
Where are those palms,
That I have cautiously filled with my useless kopecks.

Всем трудягам,
забавно волнующимся,
я посвящаю песнь,
лениво пишущуюся.
Ветер тучи гонит смело
к тем медведям белым,
северным оленям,
отчего пингвинам низкорослым,
жарко так, что обхохочешься.
Месяц бледный —
повернулся медленно.
Все трудяги — засыпают уверенно
после дня умелого и цельного,
строить будущее:
ослепительно серое.

Открой секрет свой, тайный,
как занял место —
в ряду нейтральном.
Друзей, по долгу службы предавая,
значительно преуменьшая,
заслуги тех, других,
и честь роняя,
ты в верх ползешь
без тени лени.
Вкушаешь радости плоды
и сеешь семя,
которое и вспахивать-то нет нужды.

I devote this song, which idly is being written
To every slogger, who is amusingly bothered.
Wind fearlessly blows clouds up to those white bears
And up to reindeers
That's why undersized penguins feel so hot
That you may even laugh.
The pale moon has turned at a low rate.
Every slogger falls asleep with confidence
At the end of the unbroken and skilled day
Build glaringly grey future.

Reveal your secret
How did you manage to take that neutral place?
Having no shade of laziness you crawl up
Letting honour down, significantly you make light of
those and others services
As in the performance of your duty, you betray friends.
You enjoy fruits of joy and sow seed, that's useless to
plough up.

Я уменьшу свои достоинства:
не хочу закапываться в комплексах.
Наложу умелый грим
уверенной рукой.
Чередую черно — белые тона,
красным — делаю акцент,
чтоб жизнь казалась ярче.
Опускаясь, тень дают ресницы,
придавая мистику моим глазам.
Ладонь коснется лба холодного,
немного подрумяню,
издержки настоящего.

Грядущие события,
как могут — окрыляют.
Обет молчания — играючи дала,
а стержень,
что давно надломлен,
Я заменять не стану.
Ну, его.
Стесняюсь я невольно —
дорожки беглой на чулках.
Рисую — всех подряд,
на чем придется.
Особенным вниманием —
беременных ласкаю.
Я ставлю точку жирную
в конце строки.
Идут, грядут события,
стараюсь, не пройти я мимо
ростков, свободных, молодых.

I will diminish my dignities
I don't wish to bury myself among complexes.
With sure hand I'll do make-up.
I alternate white shades with black
And will put an emphasis on red
To make life seem more bright.
As eyelids fall, eyelashes throw shadows
Giving mysticism to my eyes.
Palm will touch cold forehead
And I am going to flush outgivings of the present.

The upcoming events inspire as much as they can.
I vowed of silence playfully,
And I won't replace the core, really
The core has been broken long ago.
I am embarrassed about a wandering clock on my
    stocking.
I draw everyone in a row, wherever is possible.
With special notice I caress the pregnant.
And I put bold dot at the end of line.
Events come and spin.
I try not to go by free and young sprouts.

Заправлю желания в брюки,
избавлю суету и хлопоты,
от обязанностей каждодневных.
В начале всех судеб
человеческих,
лежит желание,
необоснованное страхами.
От конца до края вселенной —
делаю разбег,
и на краю взлетаю.
Я не мыслю
о возможных скитаниях,
разбиваю скорлупу раскаяния.
Все рычащие звери
со мной полетели.
Рвут на части
суету и хлопоты.
Желания мои, желания,
наконец, обретаю свободу.

Вишневый пирог
с хрустящей коркой,
нежной начинкой,
и пьяной прослойкой.
Съедаешь до последней крошки:
не утолишь никак,
свой голод звонкий.
А на горе стоит
та вишенка японская,
и, расцветая вдруг весной,
пугает,
что снежная зима,
не за горами.
Цветками белыми кидаясь,
гордится прелестью начинки.

I will tuck in my wishes in pants
 I'll spare vanity and cares from daily responsibilities.
 In the beginning of any human fate
 There is a wish, unfounded with fears.
 While running at full speed
 From the beginning and to the end of the universe
 On the very brink I take off.
 I don't think about possible wanderings
 And I break the shell of remorse.
 Every growling animal has flown with me.
 Tearing in pieces vanity and cares,
 My desires, eventually gain freedom.

Cherry pie with crispy crust
 Filled with delicate stuffing
 And drunken layer.
 You eat up to every crumb
 And in no way you quench your voiced hunger.
 At the top of the mountain
 There is a Japanese cherry that blossoms with spring
 And winter scares, because it is just around the
     corner
 Dashing white flowers, while it takes pride in stuffing's
     charm.

Тройка, гривастая,
гонится за славой,
забывает по пути...
Лакомится, чем придется.
Нечего мне
принижать достоинства,
трех профилей надежных.
Один — всем правит,
Другой — все замечает,
а Третий —
двух других ласкает.
Несется тройка гривастая
в немом ореоле славы...

Чем-то, вроде недавней оттепели,
показались мне тревоги.
Из-за них, мой сон,
нехорошо так скроенный,
отбивает в такт,
пульсирующим вискам.
Все нити блестящего представления
будут у меня в руках.
Фиксирую все,
до мельчайших подробностей:
свои достижения в борьбе неравной.

Long-maned triple hunts glory
And forgets everything on the way
Eats with delight, what is there
There is no use in depreciating merits
Of the three secure profiles.
One rules over everything
The other notices every little thing
While the third part caresses the other two.
Long-maned triple gallops within mute aureole of
fame.

Somehow anxieties turn up as recent thaw
My dream, which has not been cut out well
Beats out pulsatory temples because of them.
And every thread of shining notion I'll hold in my hands.
I fix to a dot my progress in unequal struggle.

Слово в замке
поселилось навеки.
Ищу в своей сумочке
связку ключей.
Один из них —
таит ответы
внутри меня,
полней.
Иду по следу
рыжей лисы.
Ставлю капкан,
хочу примерить
остроносную голову ее.
Играючи и не моргнув хитрющим взглядом,
отыщет так легко ответ,
в замке, надпиленном —
надломленное слово.

Твой лживый хвост,
наматываю, как чалму.
Презренные тона —
мне лишь к лицу.
Встречаю вновь,
бегущие глаза.
И так незрима —
ложь хамелеонская твоя,
на голове моей,
вдруг, обрела корону,
как борода седая старика
в фантазиях несмелых —
стала черной.
Мне повезло:
примеривая лживый хвост твой,
я узнаю всю силу неземную.

Word has settled down behind lock forever.
I am looking for a bunch of keys in my bag.
One of them is fraught with answers
Fully inside of me.
I follow the tracks of a red fox.
I trap in order to try on her sharp-nosed head.
Playfully, sly glance will not blink,
Broken word will find an answer behind the notched lock.

I reel your deceitful tail as a turban
Despicable shades suit me.
Shifty eyes I meet once again.
Invisible as chameleon
Your lie, all of a sudden,
Turns into crown on my head
As though an old man's grey-haired beard
In timid fantasies turned out black.
Trying on your deceitful tail
I feel so lucky, as I got to know
The whole of supernatural force.

Поостерегись, слегка
настороженных,
лиц их, насупившихся,
напряженных ягодиц.
Радостно воздвигнут
пирамиду для тебя,
и живую — замуруют:
мумия — не нужна.
Игриво улыбнись им,
не споткнись,
на переходе без границ.
Устремись учтиво
в даль нелепую.
Храни молчание
и достигай признание.

Рассвет в пустыне — не кино:
Сахары сказка.
Сгущенное молоко песков,
и каменная белизна
незримых дворцов.
Суровые скалы,
древних, рисунки хранят
информация дана
всем поколениям подряд
всю философию,
что год за годом
мы в муках обретаем,
в миг теряя.

Somewhat be aware of suspicious people
And of their scowl and tense buttocks.
Joyfully they will build a pyramid for you
And they will immure you alive
There is no need in mummy.
Archly smile upon them
Don't stumble over crossing without any borders.
You civilly rush into ridiculous distance.
Remain silent and achieve recognition.

Desert's daybreak is not a movie
A fairy-tale of the Sahara.
Condensed milk of sand
And stone whiteness of invisible palaces.
Rough cliffs keep drawings of the ancient
Information has been given to every generation at
a run
Whole philosophy, that we gain in the throes year
after year
In no time we lose.

И в час предрассветный, секунды считая,
я обращаюсь: к кому —
не знаю,
молю, чтоб призвали.
Откажут —
боюсь — обманут,
ведь счастья, так много,
увы,
не бывает.
Я ж, буду барахтаться,
ожидая,
той радости миг,
обещанный,
в момент страдания.
И вот, опять:
одно воспоминание
моих достоинств однобоких.
А счастья хвост —
мелькнул за миль отсюда.

Какие ж Ваши руки — откровенные,
ноги — размашисты, небрежны,
наскоки дивные — эротики раздумья.
Готовы слепнуть мы, не сожалея,
за те мгновенья
эмоциональной бури,
смысл очищенности телесной,
прикосновением мизинца несмелого.
Вам не понятен мир,
который не танцует,
и нам, кто мысленно рисует —
хореографию и ритм.

At hours before the dawn, counting seconds
I turn to those, who I don't know
I pray in order to be called to account
They will deny — I am afraid of deception
Alack, so much happiness can not be.
I am going to wallow
As I wait for joy of the moment,
That has been promised at the moment of suffering.
And now once again just remembrance
Of one-sided merits
And tail of the happiness waged miles away from here.

Your hands are candid
And your feet are wide and lax
Erotic thoughts are as delightful ascents.
With no regret we are ready to go blind
In favor of the moments,
Which have been caused by the emotional gale.
The point of physical purity with the touch of
    awkward pinky.
The world that doesn't dance is odd to you.
And odd to those, who draw the beat
And the choreography to it.

Очертили круг незримый
и стала ты «Святой», лишь на картине.
Твои года — предполагают зрелость
твоя мечта — немного отступила:
возникла острая необходимость поступкам
смелым.

Роднит нас, выдавая,
яростная дрожь, пронзающая тело.
Так позволяй, хоть иногда,
дотронуться до «святости» твоей,
за дверью кельи темной той,
теперь уж я молюсь отчаянно,
не подменяя действие,
которое, быть может оправданием,
за сервированным столом
в твой день, Татьяна!
За долгие минуты
пустоты нечаянной...

Ивовый прутик под подушкой
с годами, что храню,
становится тверже —
фантазиям моим подвластен.
Я надиктовываю прутику
желания свои,
в ранние, пепельные часы,
и зажимаю рот рукой
чтоб не рассмеяться,
как он старается
до вечера управиться,
все извивается, и не ломается

Once invisible circle has been sketched
You became holy but only at canvas.
Your age assumes maturity
And your dream has stepped back
Absolute necessity has come about brave deeds.
Furious shiver, that pierces the body gives everything
    out,
As it brings us together.
Let it touch your sanctity, at least
And now behind the dark door of the cell, I
    desperately pray
Without replacement of action, that may turn out as
    justification,
At laid table on your day, Tatiana!
For long minutes of accidental emptiness...

A twig of willow
Through years I keep under my pillow
Twig hardens and depends on my fantasy.
I dictate my will at early ashy hours to the twig
And plug up my mouth in order not to laugh
He tries so hard to make it till the evening
Coils and doesn't break.

Почему же Солнце, столь насыщенно-оранжевое
прячется за тучу в день ненастный?
Это солнце, пламенем горящее,
слепить беспощадно обязано,
взметнувшуюся мысль, забавную мою
лучом прозрачно — светлым жарит,
пронизывая плоть до ниточки промокшую,
увядшую, продрогшую, капризную,
казалось бы, тревожную.
Дало обет — за тучу впредь не прятаться,
ах, Солнцу моему — милее надо мной смеяться,
и тешиться надеждой,
даже ночью друг другом любоваться:
в сиянии насыщенно-оранжевом.

С ощущениями творится что-то неладное.
Судьба, в смирении, стоит на грани.
Ждет приговора, нервно кивая,
ладони трет,
кровь застывает.
Игра — проиграна
Зал — ожидает,
каков бы ни был приговор.
Препятствий цепь — ослабла, грудь не давит.
Комок — проходит медленно, но верно.
Хоть жизнь тихонько угасает,
оставив за собой клуб пыльный —
Ускользает.

Why is the sun so saturated with orange colour
Hides itself behind black clouds on rainy days.
This sun, which blazes in flames
Has to dazzle without remorse
It burns my thrown up thought with a transparent and
light beam
Piercing flesh, that's soaked to the skin
Withered, chilled, fretful
And seemingly anxious.
It vowed from now on not to hide behind black clouds
Ah, it is more pleasant for the sun to laugh at me
And mock with hope
Even at night admire one another
In radiance saturated with orange colour.

Something weird is going on with sensations
The destiny stands on the brink of submission.
Nervously nods, as it waits for verdict.
Rubs palms and blood freezes.
The game is lost
The hall anticipates.
It doesn't matter what the verdict brings.
The chain of encumbrances grew weaker,
The chest doesn't press down.
A lump in the throat elapses slowly, but right.
Although life softly fades away,
Leaving behind clouds of dust,
Slips away.

Я в слове ищу опору надежную
и с сумасшествием моим.
Мы пьем в смущении одни,
подыскиваем слову моему замену,
в глаза друг другу смотрим, злостью награждая,
неполным счастьем, радость омрачая.
Я в замкнутом пространстве, словом,
в СЛОВЕ — опору ненадежную теряю,
но сумасшествием моим,
лишь там опору обретаю.
Я балансирую на грани.

При остановке — темнота.
Она, как Смерть,
что ждешь день ото дня.
С рожденья — вдоху ты обязан.
Попробуй, замени на выдох!
Отныне, вроде, и не раб,
а бесконечному движенью — рад.
В Аду, лишь «черными» играешь
в Раю, ход сделав «белыми» —
ты даже пешкой нападаешь,
да в миг пробега холостого,
ты день за ночь, вдруг принимаешь.

Страсть неспешно расползлась,
зацепив все те места,
шелковые паруса —
обнажает страсть, не искажая
все, что глубоко так прячешь,
надрываясь, тяжестью свалившейся на грудь,
неподдельно радуешься...

I seek secure support in word
 With all my madness.
 Confused we drink alone
 Seeking for equivalent to my word
 We look in each others eyes, rewarding with anger
 Overshadowing joy with incomplete happiness.
 By word I am sealed in closed space.
 I lose secure support in word
 But with the help of my madness, there I gain
     support.
 I balance on the border-line.

At stop there is the darkness.
 And it is more like death,
 That waits day after day.
 From very birth, you owe to inhalation.
 Go ahead replace by exhalation!
 Henceforth unlike a slave
 You rejoice over endless movement
 In Hell you play for "black"
 You moved for "white" in Heaven
 Even attacking with a pawn
 And at the moment of idling,
 You confuse day with night.

Passion has come apart at the seams slowly
 Catching onto all of those places.
 Silky sails beckon passion, without any distortion.
 All the things you hide so deeply
 Wearing out by weight,
 That has fallen on the chest
 Genuinely you rejoice.

После Откровения —
должно было последовать
Доверие.
При весьма примитивном внушении —
преграды рухнули:
почти мгновенно,
исчезли бесследно.
Лики Святых,
вымученные кистью,
не моих современников.
Мощь РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ Откровений —
дана художнику
время
от
времени.
Бременем...
Бременем...
Ремесленник, сжигаемый сомнениями —
кладет в рот,
монету,
презренную.
Лениво копируя гения,
лишен уже,
зрения...

Фигурки танцуют на стене.
Она и Он —
разберешь на стекле.
Не разворачивают ум никогда.
В бой идут: отдаются сполна.
Неловко притаившись в темном углу,
исследуют бедра, руки, стопу.
Соком любви сверх меры даря,
копят силы в ожидании дня.

After revelation, trust should follow
At highly primitive infusion,
Nearly in one moment barriers collapsed
And vanished, not even leaving any trace.
Saint faces labored with help of brush of those,
Who aren't contemporary.
At times the destructive force of revelations
Is given to the artist.
And craftsman burned with uncertainties
Puts a contemptible coin in his mouth.
Idly imitating the genius
By now deprived of his eyesight.

Figurines dance on the wall.
She and he.
You'll recognize on the glass.
They will never deprave your mind.
They join the battle and devote in full.

Awkwardly crouching in a dark corner
They study thighs, hands, foot.
Saving strengths in wait for day
Giving love juice above measure.

Я, как песчинка в воздухе,
еще не среднего возраста,
неопределенного пола,
с прищуренным взором.
Забыв слова, молитвы той, простой,
которую читала перед сном...
Кладу за щеку леденец,
и обращаюсь к другу, наконец.
Советует мне посетить он всезнаек-докторов,
не уточняя: что больше женского во мне
или мужского.
Не все ль равно, кем быть?
Если живешь вполтона,
а радугой дивишься лишь во сне...

Когда отступит вдруг тяжелая Зима,
и запахи нахлынут, опьяняя,
я, затаив дыханье, буду слушать
шаги несмелые, Весны — шалуни.
Контроль теряя —
голову закружит.
Гляжу я на чужих людей, несущих к носу,
охапки желтые, шапок мимозы,
неспешно раздевшись,
в таз воду пускаю,
ногами ступаю...
Ладонями теплыми, Весна омоет,
травой душистой оботрет,
грусть незаметно покинет,
не прощаясь, Старуха-Зима умрет.

I am as a grain of sand in the air
 I am not middle aged yet
 I am of undefined sex
 With squinted gaze.
 Words of that simple prayer,
 That I used to read before going to bed
 I have forgotten.
 I put lollipop behind my cheek
 And at last I turn to my friend.
 He advises me to visit know-all doctors
 Without even specifying what do I have the most?
 Am I more male or female
 It doesn't matter, who to be
 In case you live in "half-tint" style
 Where you marvel at rainbow
 Only in your dream...

When suddenly the hard Winter steps back
 And scents sweep over, making drunk.
 I am going to listen, as I hold my breath
 Timid steps of the naughty Spring
 Losing control, she'll turn somebody's head.
 I look at alien people,
 Who bring bunches of yellow mimosas up to their
     noses.
 Having slowly undressed,
 I let water into wash-basin and step with my feet.
 The spring will wash with warm palms
 And will rub down with fragrant herbs.
 Grief should insensibly leave
 Without saying good-bye the old lady-Winter will die.

Кресло толстое,
с локтями, кожаными,
истертая спина — в постоянном износе.
Чужая тень наброшена,
Другая — как подкошенная,
кверху ногами сползая,
в складках застревает.
Страдает, кресло толстое,
с подушками, уже такими плоскими.
Мелькают жизни, затухая,
и души новые, наш взгляд ласкают.
И этот памятник,
воздвигнутый когда-то —
напоминает профилем — солдата.

Отторгнув ложь и низость презренную,
ищу свою дорогу вверх, но без измены.
Источником всех благ — считаю правды силу.
Управляюсь с демонами,
наряжая и погружая их,
в болотную трясиину.
Изгнав с лица улыбку беззаботную,
я вверх иду,
под звуки змей гремучих.
Во время трудных остановок,
по капле жизнь теряю,
занимаю, я ту ступеньку,
за которой кралась.

Thick armchair with leather elbows
In constant deterioration is the braded back.
Stranger's shadow flung on
Another one seems to be skewed
As shadow gets stuck in pleats,
Crawling head over heels.
Thick armchair suffers
With pillows yet so thin nearby.
As newborn souls caress our gaze.
Fading away, lives go by.
Sometime ago was the monument built
And now it carries back a soldier's profile.

Tearing lies and contemptible meanness away
I seek for my way up, ignoring treason
The source of all the best I find verity.
I make light work of daemons
As I attire and dip them into marshy quagmire.
Once I have driven the careless smile off my face
I mount to the top, hearing tunes of rattlesnakes
In times of difficult halts
I lose life and I borrow the step,
Behind which I have prowled.

Произношу свой тост за упокой
безвременно ушедших.
Пускай, замолвят обо мне словечко
в воздушном поднебесье.
Им лучше знать,
как строить разговор
о тех,
кого пока не призывает Он.
Дипломатично обойдут все те места,
где волей, иль неволей,
желчью жизнь полна.
Отпраздновав,
дадут сигнал звездой,
в чернильной ночи,
падающей в поле.

Он принял позу почтенную,
она, рыдая, отдается каменному другу,
тому, кто честь ее топтал, и говорил,
что всем обязана она ему,
ведь дурь ее, ошибки молодости бурной —
он год за годом благородно хоронил,
храня традиции семьи почтенной,
и не задумавшись, он погубил
натуру тонкую и верную,
заботясь, вовсе не душой,
понять не мог он смысл любви ее,
которые за годы все она пыталась,
частями вскрыть, что розы той бутон —
еще живой, но через время — мертвый.

I give a toast to those, who untimely went away.
 Let them put in a word for me at the aerial
     firmament.

They know it better, how to build a conversation
 Of those, who currently are not called upon to.
 Diplomatically they will visit places
 Where perforce this life is full of bile.
 As celebrated,
 They will give a signal
 With star, that falls in a field
 On the inky night

He stroke honourable attitude
 Sobbing, she devotes herself to stony friend
 Who have trampled down her honour
 Who said, that she owes him everything
 After all her foolishness and mistakes of boisterous
     youth
 Year after year he used to bury nobly
 Following traditions of respectable family
 Without any thinking,
 He has ruined the delicate and faithful nature
 Not in the least caring with soul
 He couldn't get the meaning of her love
 Which throughout these years she tried to unseal in
     pieces
 As yet alive is rosebud, but later on is dead.

Я —

паутину тонкую, плету предсказаний,
вдруг,
трещину дало мое подсознание,
ранило внезапно сердце слабое,
парализовав на время,
в тишине оставило.

Я —

вижу свет, где ночь,
в долгу у призраков за кров отнятый,
где всем, родимое пятно — не видимо.
Отметиной уродливой —
лишь мне награда, в ладу с гранениями мглы...
За правду — сна меня лишают.
Я слышу возгласы ушедших,
и непременно лица их мелькают,
неслышно что-то мне толкуют,
парализуют лишь на время...
Тишина трактует...

I spin a thin web of predictions
 All of a sudden my subconsciousness cracked
 Suddenly has been my weak heart injured
 Paralyzed for a while, has been left in silence.
 I see light, where night owes a favour to ghosts
 For that shelter, that has been taken away
 Where birthmark is invisible to everyone.
 With ugly mark this reward in harmony lives with
                   grave cuttings...

I am deprived of sleep for the truth
 I hear exclamations of those, who have passed away
 Their faces without fail appear for a moment
 And they inaudibly expound something to me
 Paralyzing for a moment
 Silence interprets...

© Сарушка.К.
 12.12.97 г., г. Москва

